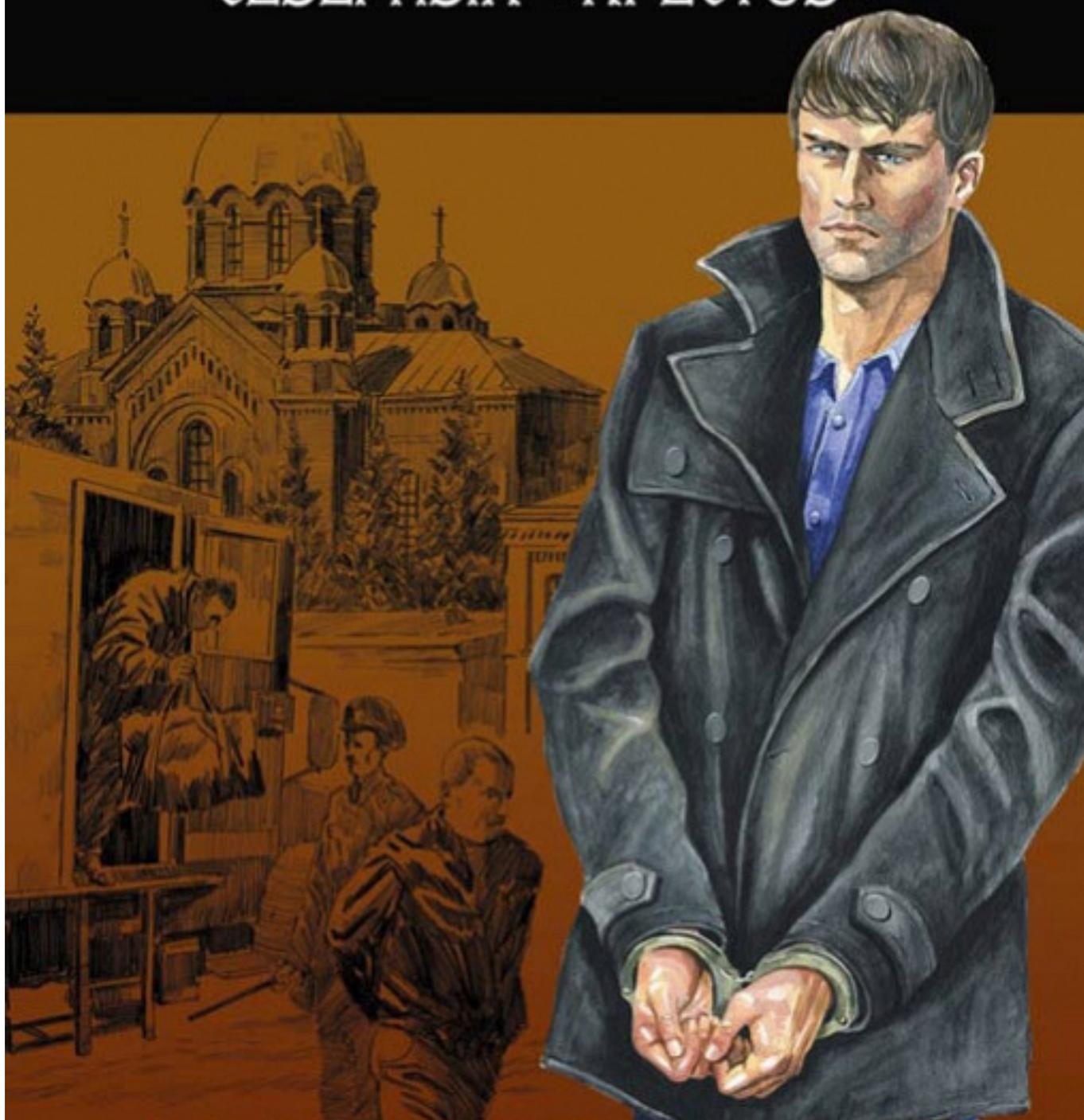

А. БУШКОВ

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ АЛЕКСЕЙ КАРТАШ

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ
СЕВЕРНЫХ «КРЕСТОВ»

Александр Александрович Бушков
Под созвездием северных «Крестов»
Серия «Шантарский цикл»
Серия «Алексей Карташ», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126209
Под созвездием северных «Крестов»: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-03885-0

Аннотация

Кто мог подумать, что не закончились еще злоключения Алексея Карташа – героя бестселлеров «Тайга и зона», «Ашхабадский вор», «Сходняк»? После того как он и его друзья открыли тайну подпольного платинового прииска в сибирской тайге, спасли от покушения президента Туркменистана и остановили воровскую войну в Шантарске, – после всех этих мытарств Карташу просто необходим отдых. И он действительно отправляется в отпуск – в Петербург. Однако эта туристическая поездка оборачивается для Алексея сущим кошмаром: по обвинению в преднамеренном убийстве он попадает в знаменитые «Кресты».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Бушков

Под созвездием северных «Крестов»

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Под созвездием северных „Крестов“» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© Бушков А. А., 2005

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2013

* * *

Действующие лица вымышлены. Всякое сходство их с реально существующими людьми – не более чем случайное совпадение.

Автор

Тюрьма, ну что это такое, в конце концов? Недостаток пространства, возмещенный избытком времени. Всего лишь.

И. Бродский

*Был безумным, был спокойным,
Подсудимым и конвойным...*

«Сплин»

Глава 1

И слышен нам не рокот «автозака»...

Подследственного Алексея Карташа, подозреваемого в двойном убийстве по статье сто седьмой, часть вторая, везли на «автозаке» в следственный изолятор – тюрьму, то бишь. Где он должен будет содержаться вплоть до постановления суда. Вот так.

Но что ни говори, а все могло быть еще печальней – например, если б Карташ влез в это дело по доброй воле. А влезть он мог, будь у него возможность выбирать и сделай он при этом неверный выбор. Но ведь выбора ему не оставили! И теперь приходится признать: ну и слава богу, что не оставили. Меньше бесплодных терзаний, заламывания рук, кусания локтей и самобичевания. Все равно уже ничего не поправишь. Кино, как говорится, взад не пустишь.

Хотя со стороны могло сложиться впечатление, что на Алексея никто не давил, что с ним обходятся со всеми предупредительностью и обходительностью, как с дорогим гостем и свободным человеком... Формально так оно, наверное, и выглядело. Но, господа, сколь часто форма бывает обманчива! Достаточно вспомнить радушные улыбки и ласковые слова, какие расточали Алексею Карташу в Туркменистане некоторые его тамошние знакомцы, – при этом вдумчиво размышляя лишь над тем, как бы половчее всадить кинжал в брюхо «даругому гостю»...

Строй невеселых дум нарушила песенка. Кто-то из *соседей* по «автозаку», в котором сидел и подследственный Алексей Карташ, с той стороны решетки напряженно прохрипел:

– И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева...

Ну чисто Промокашка, выходящий из подвала в ласковые объятия Жеглова и исключительно для понтов горланящий: «А на черной скамье, на скамье подсудимых...»

ТЬФУ...

Ну да, так оно обычно и бывает. Зацепит, как крючком, какая-нибудь мелочь и развернет твои мысли совсем в другую сторону. Так получилось и сейчас: мелочью стал припев этой незамысловатой песенки. Несколькими днями ранее (а честно говоря – в другой жизни) Карташ уже слышал этот припев, правда, в чуточку более мелодичном исполнении. И тоже, что характерно, слышал от соседа – в тот раз соседа не по «автозаку», а по салону самолета.

Когда шасси «Тушки» оторвались от взлетно-посадочной бетонки Шантарского аэродрома, лысый, как шар, полнотелый живчик, занимающий кресло впереди Карташа, вдруг негромко затянул: «И снится нам...». Видимо, полеты для живчика не были обыденностью, вот и нахлынули романтические чувства в момент отрыва от грешной тверди. По совести говоря, Карташ и сам был недалеко в тот миг от того, чтобы запеть. Отменным у него тогда было настроение...

Эх, крутануть бы колесико машины времени, вновь вернуться на ту самую отметку и переиграть заново. Как поется уже в другой песне, более подходящей случаю: «Зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать». Всю не всю, но последнюю неделю Карташ бесспорно зачеркнул бы, рука б не дрогнула...

Однако в момент набора высоты самолета, совершающего беспосадочный перелет по маршруту Шантарск – Санкт-Петербург, Карташ будущего своего знать не мог. Зато настоящее же представлялось прямо-таки замечательным, хоть и вправду песню запевай. Он с Машей (боевая подруга сидела в соседнем кресле, возле иллюминатора, за которым про-

плывала сахарная вата облаков) летели в Питер отдыхать. И неважно, что формально они отправились вроде как на задание. По сути, это был самый настоящий, форменный отдых, более того: что-то типа свадебного путешествия... Ну, предсвадебного путешествия, если уж подходить к терминологии со всеми скрупулезностью и дотошностью. Действительно, какое может быть свадебное путешествие у невенчаных-неженатых?

– Судя по блаженному выражению вашего лица, товарищ самый старший лейтенант, вы фантазиями пребываете сейчас не иначе, как в мужском раю? – спросила тогда Маша, склонившись к его плечу. – В окружении каких-нибудь блондинистых нимф и прочих гурий крайне доступного поведения, не так ли?

– Глупости говорите, товарищ женщина, – в тон ей откликнулся Карташ. – Размышлял же я всеми силами своего мозгового аппарата, да будет вам известно, над тем, а не слишком ли наше с вами путешествие напоминает свадебное?

– Тема, признаться, интересная, – протянула Маша. – Надо как-нибудь вернуться к ней на досуге, развить и углубить. Прямо скажу, не ожидала от вас подобной серьезности и глубокомысленности...

– А мы всегда углубляем глубокомысленно, – назидательно сказал Карташ.

Машка огляделась, и в глазах ее вдруг заплясали джигу озорные черти.

– Тогда отчего же – «как-нибудь»? Не желаете ли углубить безотлагательно?

– В смысле?..

– Медленно-медленно поднимаешься через минуту после меня, – она наклонилась к самому его уху, и Алексей почувствовал ее щекочущее дыхание, – и следуешь в хвост ероплана. Там такие милые кабинки находятся – из тех, что предназначены исключительно для размышлений в полном одиночестве... или в парном. Уловили намек, мистер Бонд?

– Джеймс Бонд, – серьезно поправил Карташ.

И беспрекословно выполнил ее задание.

В последний раз...

В общем, и у Маши настроение было превосходное, она тоже связывала с посещением Питера исключительно приятные ожидания.

«Путевку в Питер» они получили за два дня до вылета. Оба все еще гостили в загородном доме Данилы Черского... Хотя – поди определи безусловно точно, чем являлось их пребывание в этом доме: гостеванием, залечиванием ран или отбыванием срока на зоне нестрогого режима? Наверное, чем-то средним.

Бежать в голову не приходило. Во-первых, это не так-то просто было сделать, дом охраняли ненавязчиво, но надежно. Во-вторых, бегут не только откуда-то, но еще и куда-то, а им бежать было совершенно некуда. Да и незачем. В-третьих, за последние месяцы они набегались так, что хватит на весь остаток жизни. Они как раз таки и наслаждались покоем. В кои-то веки представилась возможность спокойно лежать в кровати, а не нестись куда-то стремглав через пески или болота. Наконец-то можно было расслабиться, не беспокоясь, что в дверь могут вломиться преследователи или в окно влетит граната. Наконец-то можно было заняться тем, что обычно происходит между здоровыми мужчиной и женщиной, когда они остаются наедине – в чистой, пахнущей лавандой постели, в тишине и покое... Черт подери...

Черт подери и елки-палки! Карташу только здесь, в особнячке, пришло это в голову: если вдуматься и вспомнить, то с Машкой он вообще ни разу не занимался любовью в присутствующих для сего условиях, то бишь на кровати да на свежих простынях! Места для любовных игривых попадались все больше экзотические да экстремальные: рояль, не шибко стерильный душ на безымянном полустанке по дороге в Туркмению, кладовая в заброшенном городе, полузатопленный «верещагинский» баркас (хотя нет, на баркасе была не Маша, но это не суть важно), еще что-то, к романтике ничуть не располагающее... В общем, фор-

менная половая эксцентрика выходила, а не нормальные сексуальные отношения. Машка, судя по всему, пришла к таким же выводам – и здесь, в загородном домике Черского они занимались любовью иступленно, яростно, ненасытно, как будто в первый раз. Или как будто в последний, как будто завтра с утра их должны повести к стенке...

Словом, обитали они как у Христа за пазухой, как говорится, на полном соцобеспечении. Да и хозяин-барин Черский не донимал их назойливыми визитами. Собственно, с тех пор, как Карташ переговорил с ним после возвращения в сознание, Данил всего-то один раз и наведывался в свое загородное поместье.

Может быть, от сытой размеренной жизни на них вскоре и напала бы скука. Да, вишь ты, не дали им дожить до скуки. В один из дней первой половины октября в ворота въехал джип, из которого вместе с Черским выбрался еще один знакомый Карташу человек. Этот человек уже однажды вламывался в жизнь Карташа, как кабан в камыши, и воспоминания о той встрече Алексей никак не мог причислить к приятным. С той самой их встречи все у Карташа, Грини и Маши окончательно и бесповоротно пошло наперекосяк. Но никакого зла на генерал-майора Кацубу бывший (ну да, наверняка уже бывший) старший лейтенант ВВ не держал.

Через час они вдвоем с Кацубой отправились не куда-нибудь, а на рыбалку. Оказывается, в километре от дома Черского протекала лесная речка. На ее берегу, отыскав просвет среди облепивших воду кустов, они устроились с максимальным рыболовным комфортом: на складных брезентовых стульчиках, расстелив на земле газету и придавив ее приятной тяжестью литровой водочной бутылки, буханкой хлеба и вскрытыми консервами. Ну и, конечно, для полного порядка забросили в реку удочки.

– Видишь, как я прав, старлей, – наклонившись, Кацуба достал из кармашка рюкзака сигареты. – В кои-то веки выдалось свободное время, так почему же не отдохнуть как следует? По-нашему, по-бразильски? Поймать простого русского окунька, сварганить из него ушицу, закусить ею простую русскую водку. Давай разливай, старлей, – Кацуба показал на бутылку шведского «Абсолюта». – Ничего не попишешь, традиция. Хошь не хошь, а пей! Какая же иначе тогда у нас с тобой рыбалка будет? И поглядывай на поплавок, старлей. Не забывай, зачем мы здесь на самом деле. На самом деле, япона мать, мы рыбу ловим.

Хлопнули по первой из пластиковых стаканчиков, задымили.

– Хорошо сидим... – сказал Кацуба, по-кошачьи щурясь. – Эх, плюнул бы на все, ушел на пенсию, вот так и сидел бы целыми днями, а потом приходил домушки и засыпал перед телевизором, вытянув ноги в стоптанных тапках... Вот оно, счастье-то, да? А чего, спроси, мне мешает так зажить? И я тебе отвечу. Беспокойство природы мешает, старлей, оно, проклятое... А как у тебя с беспокойством природы, кстати?

– А хрен его знает, – поразмыслив, сказал Алексей чистую правду.

В общем-то, Карташ прекрасно понимал, что генерал-майор, чем-то неуловимо похожий на кота, играет с ним сейчас, словно с мышкой. Однако тут уж деваться некуда: как говорится, попала собака в колесо, пищи, но бежи.

– А ты ответь, как думаешь, – сказал Кацуба. – Думаешь же ты сейчас, соколик, как пить дать, о том, с каких это щей цельный генерал-майор отправился рыбачить со старлеем, который вдобавок то ли бывший кадровый офицер, то ли еще действующий, пес его разберет. Дескать, как такие чудеса понимать и как на них реагировать? Или возгордиться: во, де, как меня ценят, во какой я ценный фрукт! Или все же испугаться, а ну как столь ответственный товарищ прибыл сюда решать непростой вопрос: списать ли беспокойного авантюриста-вэвэшника в расход или все же взять его в работу?

Карташ помолчал, а потом, тщательно взвешивая слова, сказал:

– Почему-то ситуация видится мне более простой. Некому генерал-майору поручено руководство некой операцией. И ему нужны исполнители. Возможно, ему нужны как раз

люди, не засвеченные в связях с вашим... э-э... ведомством. Ну, а так как генерал-майор привык все сполнять самотужки и человек он в высшей степени осторожный и недоверчивый, то он отправился лично прощупать одного из кандидатов – на предмет подходит ли тот к делу. К тому же, посылать кого-то из подчиненных – значит расширять круг посвященных, что всегда нежелательно...

– Ишь ты какой догадливый сукин сын выискался, – с непонятной интонацией произнес Кацуба, не по-рыбацки бросив окурочек в воду. – Все-то он знает, до всего своим умом доходит, комбинации хитрожопые, понимаешь, строит. Достроился уже! Джеймс Бонд недоделанный, «жентельмен удачи», блин! За твои проказы тебя, по-хорошему, следовало бы плетью драть на конюшне, покуда кости сквозь мясо не забелеют. И ежели выживешь после этого, только тогда с тобой можно иметь дело... Наливай, давай, по второй, чего сидишь-жмешься, как семиклассница в первый раз у гинеколога, как призывник на медкомиссии! Ах ты, мать твою, чуть не прозевал тут с тобой...

Кацуба схватил удилице, резко подсек, но рыбина сорвалась с крючка, ослепительно сверкнула на солнце чешуей и шлепнулась обратно в свою водную стихию.

– Не везет мне в рыбалке, – вздохнул Кацуба. – Наверное, повезет в любви. Вот, кстати, о любви...

Он залпом осушил пластиковый стаканчик с «Абсолютом», аппетитно крякнул и чуть погодя вновь заговорил:

– Представь себе на мгновенье, старлей, что мне больше нечего делать, как только беспокоиться об устройстве твоей личной жизни. Я вот и беспокоюсь. Хочу ее, понимаешь, устроить. Для чего отправляю тебя в город трех революций, город, понимаешь, на Неве и Северную, етить ее, Венецию – гулять и развлекаться. Поедешь, вернее, полетишь, вместе со своей кралей-дролей. Причем шикарно загужуете там, я тебе скажу, аж завидки берут. Жить будете в гостинице, станете фланировать по Невскому, по Эрмитажам слоняться, понад речкой Невой все той же гулять... И за что, спрашивается, кому-то такое счастье? Короче, вытащил ты счастливый билет с надписью медовая декада, поскольку эта лафа протянется аж десять дней. И попробуй после этого не женись на девушке, как честный человек, я те самолично все женилки пообрываю заместо ейных братьев и отцов... Что-нибудь имеешь возразить по существу, старлей?

– По существу, конечно, возразить нечего, – акkuratно сказал Карташ. – Однако хотелось бы увидеть картину маслом во всей, так сказать, полноте...

– Во всей полноте, говоришь, – повторил Кацуба. – Значит, не веришь в чистоту помыслов. А напрасно. Между прочим, единственная малость, которая от вас с кралей потребуется – жить по расписанию, составленному не ею и не тобой. И от этого расписания не отклоняться ни на полдюйма. Ну, к примеру, в первый день питерского вояжа вы оба должны будете с такого по такой-то час отсидеть, допустим, в кафе «Гастрит», за третьим столиком слева от входа. Отсидели сколько нужно – и свободны до вечера, но вечером должны пошлепать на балет и смотреть его обязательно из ложи бельэтажа из кресел номер семь и восемь, а в антрактах непременно обязаны иттить в буфет и там попивать исключительно коньяк с шоколадными конфетами. И так далее. Короче, не задание, а сказка. Никаких погонь, заметь, и перестрелок... Ну, и вторая есть малость, о которой, впрочем, и заикаться-то смешно, потому как сам знаешь: ни при каких обстоятельствах, нигде, ни с кем, даже в постельке друг с дружкой, даже если я самолично приеду и полезу к тебе со слюнявыми объятиями – так вот ни ты, ни зазноба твоя не должны хоть взглядом обмолвиться, будто выполняете чье-то там поручение. Видишь, боец, сколь мало я прошу... После заучишь назубок, как пионер присягу, весь график своего движения. Вопросы есть? Или пожелания с предложениями? Или, может, хочешь наотрез отказаться?

Отказаться Карташ, может, и хотел бы – вовсе не тянет впутываться в чужие игры и плясать под чужую дудку. Но деваться было некуда: пришло время оплачивать счета. Нет, откажись он сейчас наотрез вести дела с Кацубой и его ведомством – никто не станет неволить и запугивать. Просто от него самого *откажутся*, его оставят без «крыши» над головой, один на один со всеми проблемами, разбирайся, мол, сам, с тем, что наворотил, и с теми, кого обидел. Добро бы дело касалось одного Карташа, но ведь оно и Машки касается не в меньшей степени...

– Да какие там вопросы, – сказал Алексей, снова закуривая. – Что мне положено знать, и так скажут, а что не положено, выведать все равно не удастся... Но один вопросец, пожалуй, все-таки задам. А дальше-то что, товарищ генерал-майор? Спустя означенные десять дней?

– Правильно подходишь к ситуации, старлей. Сразу вдаль смотришь, в необъятное завтра, – сказал Кацуба, сам себе наливая водочки в пластиковый стакан. – За это не буду отделываться общими фразами – дескать, поживем-увидим, завтра будет завтра и все в таком духе. Выскажусь вполне определенно. Имеешь право узнать, за что тебе стараться.

Поставив пустую пластиковую тару на газету, Кацуба закурил и продолжил:

– Вот ты кто такой сейчас есть? А никто. Отверженный, как говорил про таких товарищ Гюго. В твоих родных «вэ-вэ» ты числишься пропавшим без вести, погнавшимся за беглыми зэками и сгинувшим в тайге. И этот, извиняюсь, статус-кво тебя должен только радовать безмерно. Потому что если ты вдруг внезапно объявишься, живой и веселый, то у твоих командиров появятся к тебе вопросы, и среди этих вопросов приятных не будет ни единого. Ну и не мне тебе напоминать, что вэвэшные командиры – наименьшее из зол, что могут свалиться на твою ничем не прикрытую голову...

Кацуба вытащил удочку, опустил крючок на ладонь, придиричиво осмотрел наживку, недовольно покачал головой, но ничего не стал делать, только плюнул на червя – на удачу по рыбацкому суеверию – и закинул снасть обратно.

– Короче говоря, ежели все у нас пойдет тип-топ, то оформим мы тебе тихое, мирное увольнение из рядов. Российский паспорт мы тебе уже сварганили, заметь – безвозмездно, потом полюбуешься. Соответственно подчистим и твою биографию. Например, таким образом: ты, наблукавшись по тайге, не в шутку занемог и по этому поводу долго валялся в беспомощности в одной из районных больничек. Тогда ты у нас выйдешь в отставку форменным героем – как же, потерял здоровье на службе родине. Опять же, если не согласен с подобной перспективой – живи как нравится. Но есть, старлей, такое хорошее, заманчивое слово: «внештатник». В нем слышится и надежда на долгосрочное сотрудничество.

– Уж не про Туркмению ли последний намек? – хмыкнул Карташ. – Насколько я понимаю, интересы вашей конторы расположены главным образом за пределами отечества. А поскольку из тех пределов я смогу пригодиться наилучшим образом как раз в Туркмении...

– А это, дорогой мой, разговор уже для другой рыбалки, – перебил Кацуба. – Сейчас же вернемся к городу-герою Ленинграду, в который тебе выезжать уже послезавтра. И вообще у тебя давно уже клюет, старлей, а ты сидишь ушами хлопаешь...

Вот откуда взялись на борту самолета, выполняющего рейс Шантарск – Санкт-Петербург, двое пассажиров, мужчина и женщина. Оба летели абсолютно легально, по своим документам – не шпиены же, чай, какие-нибудь и не террористы. Их багаж, состоявший из спортивной сумки и чемодана, не смог бы заинтересовать ни правоохранительные службы, ни воров – одно безобидное шмотье, обычное для туристов. В общем, со всех сторон туристы как туристы. Даже в мыслях ничего авантюрного и уж тем паче криминального.

Маша восприняла известие о поездке в Питер с прямо-таки философическим безразличием. Ни обрадовалась, ни опечалилась, словно эта поездка давно значилась в ее ежедневнике. Да и вообще, Маша переменилась после всего, что с ними произошло. Наверное, и не

могло быть иначе – когда молодая девушка, совсем девчонка, попадает в такую мясорубку, она вряд ли останется прежней. Рано или поздно облетит, как тополинный пух, романтическая шелуха, в голове что-то обязательно щелкнет и переменится взгляд на мир. И тут обычно происходит одно из двух. Или человек становится законченным циником, или к нему приходит спокойное понимание простых, извечных истин, например, таких: первая – если хочешь выжить, забудь о сантиментах и действуй так, чтобы сдох не ты, а враг; и вторая – за просто так делиться с тобой никто ничем не намерен, зато любой с удовольствием поживится за твой счет, и это нормально, и ты такой же, поэтому надо договариваться с людьми по принципу «я тебе, ты мне»... ну и далее в таком же духе. До простых истин всегда тяжело добраться – уж больно много всякого хлама нагромождено поверх.

Карташ надеялся, что происходящее с Машей – как раз и есть та самая переоценка себя и мира... хотя бы потому, что ему не хотелось, чтобы это было нечто другое. Хотя бы из-за того, чем они занимались в туалетной комнатке *ероплана*.

И тут резкий крен «ЗИЛа»-«автозака» вышвырнул его из мира воспоминаний.

Глава 2

С пометкой «бэ дробь эс»

Оказывается, левым передним колесом «автозак» вдруг ухнул в коварно припорошенную снежком колдобину меж трамвайных рельсов, – да так смачно, что Карташ едва язык не прикусил. Случилось сие, кажется, где-то в районе Литейного моста, некогда носящего имя Александра Второго (о чем знали, главным образом, почему-то гости Петербурга, но уж никак не большинство коренных его жителей), да, скорее всего, возле Литейного, потому что этот маршрут вроде был кратчайшим, но точно Алексей сказать не мог, – не оборудован, вишь ты, «автозак» панорамными окнами для осмотра архитектурных красот города на Неве, а две зарешеченные щели под самым потолком можно было назвать окнами только по недоразумению. Но, в общем, судя по времени в пути, они уже подъезжали...

Мотор натужно взвыл, фургон качнулся на рессорах, выбираясь из ямы, и снова бодро покатил вперед.

Естественно, происшествие вызвало оживление среди десятка *пассажиров*, в течение часа вынужденных довольствоваться тоскливым обществом друг друга в запертой коробке «автозака».

– Эй, шеф, не дрова везешь! – по другую сторону тесного прохода очень натурально возмутился брюнетик в коричневой куртке с лейблом «адидаас» – явственно с чужого плеча. – Че гонишь-то?

Водила «автозака», конечно, окрика не услышал в своей кабине, но шутка *пассажирам* понравилась: заржали и захопали. Кто-то от полноты чувств хлобыстнул шутника по плечу. Но восторги, ежели приглядеться, были далеко не искренними – истеричными какими-то. Как смешки в зале, когда на экране очередной Крюгер вполне натурально потрошит очередную второстепенную героиню...

– Это ты на него гонишь, а он просто торопится! – работая на публику, ответил «адидаасу» юнец в рваном на плече пуховике. Из дырки, как из распоротой подушки, торчали перья.

– А я-то тут при чем? – возмутился «адидаас». – Я куда уже не тороплюсь! И остальные, кажется, тоже... Так, братва?

И снова общий одобрительный ржач в ответ.

Ан нет, еще один, если не считать Карташа, не смеется. Нестарый еще блондинчик, сороковник, не больше, с правильными чертами бледной рожи, обрамленной прической «короткое карэ», сидит возле самой решетки и из-под полуприкрытых век нет-нет да и зыркнет в сторону Алексея, вроде бы просто так, без всякого выражения серых зенок. Типа, любопытно ему, кого ж это на отдельное место определили. В дорогом кашемировом пальто цвета «кофе с молоком», представительный и солидный, но в глазах есть что-то такое... глубинно-яростное. Что-то волчье. Что-то от хищника, который лучше сдохнет от голода, мороза или охотничьей пули в тайге, чем станет жить в зоопарке, как бы там хорошо не кормили и каких бы фигуристых волчиц не приводили на случку... И вроде бы рожа сия Алексею смутно знакома, вроде бы видел ее где-то, и в мозгу, по какой-то неведомой ассоциации, вставал образ эдакого благообразного попаика в католическом одеянии, но... но напрягать мозг сейчас не хотелось и не могло. Мало ли урок он встречал на своем трудовом пути... Однако будет забавно, если этот бледнолицый когда-то давным-давно заточил на вертухая Карташа зуб и теперь попытается оный зуб в него вонзить. Хотя не похоже. Не было во взгляде волчары ни затаенной злобы, ни тоски от того, что посадили в клетку.

Конвоир не вмешивался, на происходящее взирал из-под прикрытых век, философски-отрешенно, как на виденное уже стократно.

И Алексей устало закрыл глаза.

Курить, блин, хотелось зверски. Он прекрасно понимал, что это нервное – за последние четверо суток Карташ изничтожил почти блок сигарет (благо были бабки на кармане и менты их, вот чудо, не помылили), но от осознания этого легче не делалось, и желание наполнить легкие сладким, теплым, успокаивающим дымом не уменьшалось ни на йоту. Напротив: усиливалось, становилось почти невыносимым.

Короче, Карташ сидел, закрывши глаза, хотел курить и изо всех сил старался *выключиться* из происходящего вокруг – из негромких, нервных реплик товарищей по несчастью, из простуженного рокота мотора... вообще из окружающего мира.

Выключиться не получалось: «адидас», взбодренный удачным заделом на публику, продолжал свои потуги пошутить.

– Эй, оперок, не найдется огонек? – громко спросил он. И, поскольку никто не ответил, добавил вполне миролюбиво: – А че молчишь, как не родной? Прикурить дай, а? Мы ж теперь, земля, в одной команде, блин...

Карташ приоткрыл глаза.

«Адидас» смотрел прямо на него.

– Я не опер, – негромко ответил Алексей.

Общаться с «контингентом» ни малейшего желания не было, но и промолчать было нельзя – а то сочтут, что либо боится до усрачки паренек, сидящий в отдельной клетке, либо контингент молча презирает... Контингент, он, конечно, презирал, но теперь, оказавшись с контингентом по одну сторону решетки, это презрение выказывать было, по меньшей мере, глупо.

– Не опер! – искренне удивился юнец в пуховике. – А че ж, брателло, в «стакан»-то¹ сел? ООР², что ль?

– Да не дрейфь, мужик, – типа поддержал Алексея «адидас». – С кем не бывает. В крытке «бэсники» тоже живут... если люди нормальные, конечно, а не сучары.

А, ну да: теперь Алексей еще и «бэсник». Бэ-дробь-эс...

Что характерно: на зоне – по крайней мере, в том исправительно-трудовом учреждении под Пармой, где Карташ отмотал в ВВ не один сезон – обращение к незнакомому человеку «мужик» было бы воспринято как оскорбление. А здесь, похоже, это в порядке вещей...

Да-с, господа, товарищи и прочие присяжные заседатели, ко многому еще придется привыкать гражданину Алексею Карташу. Уж казалось бы, все прошел, кем только не побывал за свою недолгую, но неожиданно бурную жизнь... И простым, хотя и подающим надежды летехой-помощником при полковнике-инспекторе ИТУ, и старлеем на зоне, и чуть ли не защитником платинового фонда Родины, и полноценным избавителем Президента Ниязова от покушения плюс всего Туркменистана от гражданской войны, и даже, страшно вспомнить, спасителем Сибири от войны воровской, и внештатным агентом тамошнего отделения то ли ФСБ, то ли ГРУ, то ли еще какой шарашки...

И вот теперь... Теперь, как говорится, из князи в грязи. Алексей поглядел на свои отчего-то не скованные «браслетами» запястья, на тесную клетку «стакана», решетками которой он был отгорожен от прочего контингента.

---

¹ Одинокое отгороженное место в фургоне «автозака», где перевозят заключенных, общение которых с прочими перевозимыми чревато конфликтными ситуациями.

² Особо опасный рецидивист.

В наручниках или нет, но теперь гражданин Карташ А. А. чапает в тюрьму. А точнее – в знаменитые питерские «Кресты». Самую большую «крытку» по всей Европе, между прочим. Описать можно от гордости.

И чапает он туда посредством банального «автозака». В качестве подследственного. Банального заключенного. В простонародье – зэка. Через мост Александра Второго – в тюрьму, заложенную при Александре Третьем. А что, символическая связь времен, господ... Виноват: граждане начальники.

Такие дела.

«В его душе царила звенящая пустота», или: «Ему казалось, что он спит, что он является всего лишь сторонним наблюдателем, зрителем в кинотеатре, и все происходящее на экране не имеет к нему никакого отношения», – так обычно принято описывать подобное состояние в романах.

А вот хрена вам.

На деле же никакая пустота в нем не царила, и он ощущал себя вполне адекватно обстоятельствам. Он не спал и не обкурился до глюков. Все происходящее происходило с ним, только с ним и ни с кем, кроме него. Никаких иллюзий, надежд, веры и... и любви. Уже – и любви тоже.

Вот так. Бывший старлей Алексей Карташ в одночасье превратился в зэка. В одночасье оказался по одну сторону решетки с теми, кого он усиленно охранял от рынков за эту самую решетку.

Чудны, право слово, дела твои, Господи...

– Не, брат, слышь, в самом-то деле, ты чего в «стакане» сидишь? – не унимался «адидаш». – «Бэсников» в «стаканы» вроде уже не садят, не те времена...

Алексей опять прикрыл глаза, а тогда за него вступился один из двоих конвоиров:

– Едальники заткнули все быром, – процедил сержантик сквозь зубы. – Нарываешься...

– Дык нарвались уже, командир, – скоренько переключил «адидаш» на него внимание. – По полной нарвались... Сигареткой бы угостил, а? Когда еще покурить доведется по-людски...

– Я тя щас угощу, – беззлобно пообещал конвоир, не пошевелившись.

На том беседа и прекратилась. В отношении курения Карташ был приравнен к *контингенту*. Что ж, ничего удивительного...

Карташа в этот момент более всего беспокоило, правильно ли он вел себя на допросах.

И ежели говорить откровенно, на допросах он вел себя далеко не лучшим образом. А точнее – никак себя не вел. Соглашался не со всем, но и отрицал не все. Хотя не соглашаться, откровенно говоря, было трудновато. Равно как и отрицать. И все же, все же... Как гласит ментовской катехизис: «Раз признался – значит, виновен». И неважно, какими путями из тебя это признание выколочено.

Но ведь никто из Карташа признания и не выколачивал, вот в чем хрень-то вся! Потому как и без выколачивания все было яснее ясного.

Алексей Аркадьевич? Именно. Место рождения? Адрес регистрации? Фактическое место проживания? Место работы?.. И так далее, и тому подобное, нудно и для дознавателя буднично... Рутинка, одним словом. Заминка произошла, лишь когда вдруг всплыло в сей душевной беседе, что Карташ черт-те сколько прослужил не просто во внутренних войсках, а именно в ГУИНе. Приказа скрывать свое прошлое он от Кацубы не получал – вот и не скрыл.

– Ах, вот оно как, поня-атненько... – и, поколебавшись, дознаватель нарисовал в уголке протокола две буквы, разделенные косой чертой: «б» и «с».

– Да уж куда понятнее... – вздохнул Карташ. И спросил: – А что это вы мне там такое написали?

– А это, Алексей Аркадьевич, – дознаватель был устало-любезен, – означает «бывший служащий». Так, на всякий случай, не то определят вас, ввэшника, в камеру к отморозам, и ку-ку... – Сохранить лицо Карташу не удалось, и дознаватель, почесав тупым концом ручки намечающуюся плешь, тут же перешел к делу. – Ну-с, приступим. И как же вы, старший лейтенант, докатились до убийства? Рассказывайте, чего ж теперь...

Убийство, ага. Вот тут-то и порылась собака.

Много за что можно было упечь Карташа в крытку, особенно если вспомнить про его хождения по тайге и в Туркменистане... и уж тем более в Шантарске. Но – убийство в Петербурге? Тем более, двойное?! Тем более, убийство, которого он не совершал!

Ну, в общем... кажется, не совершал. Или все же?..

Как ни смешно это звучит, но Алексей *понятия не имел*, убил он кого-нибудь или нет. Может, убил.

Может, его подставили.

Однако все улики складывались именно так: он застрелил двоих – питерского мачо с серьгой в ухе и его... его...

А...

Около полутора суток Карташ промаялся в ментовке, не спал вообще... и не потому, что злые опера не давали – давали, отчего же, просто не мог уснуть; питался бутербродами с кофе, которыми то ли по доброте душевной, то ли надеясь склонить его к сотрудничеству, угощал мент, уже не дознаватель, другой – следак, наверное, пес их разберет. Душу менты мотали по полной программе, выпрашивали и выпытывали, предъявляли неопровержимые доказательства и показания свидетелей, угрожали, соблазняли послаблением, ежели напишет чистосердечное, в красках рисовали картины пребывания в СИЗО, одна устрашающее другой, – хорошо хоть, ногами по почкам не лупили и в пресс-хату не сажали... наверное, потому, что все и так было яснее ясного. А может, и потому, что Карташ был этим самым, как его – «б/с», «бывшим служащим». «Бэсником». В общем, «бывшим своим».

Пребывая точно в тумане, Алексей рассказал все, что помнил, знал и думал по поводу происшествия в питерской гостинице «Арагат». На словесные провокации не поддавался, протоколы подписывал, лишь внимательно, насколько мог, изучив каждое слово, от убийства, даже в состоянии аффекта открещивался – шел, короче, в глухую несознанку... Но самое паршивое заключалось в том, что где-то в глубине души он готов был согласиться с предъявленным обвинением. Нет, на самом деле, если подумать объективно и беспристрастно, Карташ *действительно* мог завалить обоих – в том состоянии алкогольного опьянения, в коем он пребывал, совершается фигня и посерьезнее... И даже если опьянение было наркотическим, если его специально накачали какой-то дрянью (а именно так, по всему, и выходило), то сути это не меняло: мог убить, ох, мог. И осознание этого было хуже всего. Было сильнее чувства безысходности, сильнее ощущения *потери*.

Через день его перевели в ИВС³ на улице Каляева. Перевели... и четыре следующие дня напрочь вылетели из головы Алексея: все это время он находился в полуобморочном состоянии. Карташ валился с ног от усталости, но надолго уснуть все равно не мог. Измученный адреналином организм требовал отдыха, но перевозбужденный мозг отключаться упорно не желал. Алексей спал урывками – то проваливался в тревожную дрему, то вновь выплывал в опостылевшую реальность.

Содержащиеся вместе с ним в том изоляторе рассказывали как будто, что замести сюда могут аж на десять суток, однако к вечеру дня четвертого нарисовался конвой, он расписался в какой-то прокурорской бумажке, его и еще нескольких скоренько перегрузили в «зилорк»,

---

³ Изолятор временного содержания.

где уже маялись такие же бедолаги, и, – как поется в старинном шлягере: «На нары, на нары, на нары...»

А ведь ничто не предвещало грозу, как пишут все в тех же романах. Все начиналось так хорошо, просто, ненапряжно и, главное, от них с Машкой настолько ничего не зависело, что Карташ не чувствовал на себе ни малейшей ответственности за исход дела, суть которого, к тому же, была для него окутана непроницаемой пеленой секретности.

И вновь нахлынули воспоминания...

Глава 3

Будни шахматной пешки

Там, в самолете, следующем рейсом Шантарск – Санкт-Петербург, он совершенно не представлял себе, в чем состоит высший смысл полученного им от Кацубы задания. Это на киноэкранах или на страницах книг супермены справляются со всем в одиночку: выкрадают секреты, кладут покойничков штабелями, да еще и умудряются попутно охмурить пару-тройку красоток. Нет, никто не спорит, разведчики-одиночки имеются и, не щадя животов своего и чужого, бьются во благо родины, но... Но сколько неизвестных, неприметных, заурядных людей обеспечивают их, одиночек, триумф! Аналитики, техперсонал, наружка, прикрытые, бухгалтерия, шоферы, приманки, связные... да кого только нет! Никто не посвящает таких людей в суть операции, да и вообще ни во что лишнее не посвящает. Им дают конкретные, узко направленные поручения. Скажем, ровно в восемнадцать сорок пять войти в третий подъезд дома пятнадцать по улице Ленина, забрать пакет, спрятанный на втором этаже за батареей, отнести его на улицу Карла Маркса и бросить в первую слева от автобусной остановки урну. Или, допустим, поступает указание припарковаться возле памятника Пушкину. Не заглушать мотор, держать включенным мобильный телефон, ждать звонка. Если до трех часов четырех минут не позвонят и не скажут, что делать дальше – все, отбой. Отчего да зачем все это делается, исполнителю не сообщается, об этом знают лишь немногие – те, кто планирует и руководит, кто держит в кулаке все нити.

Было бы смешно, если б каждой пешке гроссмейстер объяснял свой замысел: дескать, я пошел тобой для и во имя, а на двадцать седьмом ходу я принесу тебя в жертву, получив взамен инициативу, тактическое преимущество или другую фигуру, если, конечно, от вас, пешка, не последует возражений.

Так вот, одними из таких простых тружеников невидимого фронта или, грубо говоря, пешками и стали Карташ с Машей. Черт его знает, в чем именно состоял их личный вклад в общее дело. Однако жалеть о том, что их втемную используют в неизвестной игре, не приходилось. Потому что они не ползали на брюхе по грязи, не меряли тайгу шагами, не пересекали безводные барханы с чайником на ремне, они, чего уж там греха таить, самым натуральным образом развлекались за чужой, а точнее – за государственный счет.

Из аэропорта они ехали на такси (так было предписано инструкциями, иначе вряд ли Карташ в их нынешнем не шибко жирном финансовом положении выложил бы астрономическую сумму за получасовую поездку по городу). Да и в дальнейшем им предписали жить в Питере на широкую ногу. Местом обитания в северной столице им положили частную гостиницу «Арагат» на улице Артиллеристов, где двухместный номер стоил ни много ни мало шесть тысяч русских рублей в сутки. «Отель имени коньяка», – подумал Карташ.

Отель, как и одноименный армянский коньяк (разумеется, доподлинный, тот, который не во всяком магазине купишь, который и стоит ого-го сколько), качеством соответствовал цене. Находился он в центре города, совсем недалеко от главной туристической тропы – Невского проспекта. Небольшой, номеров на пятьдесят, отель изнутри и снаружи смотрелся дорогой игрушкой: все выскоблено-вылизано, много позолоты, стекла и электрического света, сплошные ковры под ногами и лаковое дерево по стенам, персонал щеголяет в униформе, похожей на обмундирование английских королевских стрелков начала прошлого века. Ну и гнулся персонал перед постояльцами не менее старательно, чем во всяких там «Рэдиссон Славянских».

Им не наказывали канать под естественность, будто всю жизнь они провели среди роскоши. «Играть ничего не надо, – инструктировал Кацуба, – а то недолго и сфальшивить.

Вы те, кто есть на самом деле. Провинциалы из дремучего угла, которым вдруг привалила нежданная халява. А стало быть, вас равно может занести и на вещевой рынок, и в бутик. Вы можете зайти похавать в «Макдоналдс» или в блинную, а можете и в какой-нибудь дорожный ресторан с золотыми вилками. Короче, вы – скоробогачи, вырвавшиеся из тайги в столицу».

Так они и держались. Согласно полученной вводной. Например, увидев в холле напольные часы размером со шкаф, изображающие башню какого-то собора с фигурами зверей, птиц и апостолов, не стали сдерживать восторженного удивления: «Ого, неужто еще и ходят? И че, работает? Фигурки движутся?». Девушки за стойкой портье, прям-таки сочась любезностью, объяснили им, что все функционирует, хоть вещь и старинная, штучной работы, что все фигурки приходят в движение в назначенный час, а именно в полдень и в полночь.

Ну и, как положено провинциалам, войдя в номер, они с Машей поохали, поохали, упали на аэродромных размеров кровать, опробовали ее на мягкость, повключали-повыключали кондиционер, заглянули в туалет, поохали там, выглянули в окно, обсудили вид на сквер, огороженный чугунной ажурной решеткой, где сейчас, по случаю нудного дождика пополам со снегом, было пусто. Квартиркой на ближайшие десять дней оба остались довольны. А чего еще надо, спрашивается?

Остаток дня они провели тихо и скромно: погуляли по центру, посидели в паре-тройке кафе, зашли в киношку, но сеанс до конца не высидели – потянуло в сон: сказывались перелет и четырехчасовая разница в часовых поясах. Даже выпитый в гостиничном баре черный кофе с коньяком не взбодрил. И в номере, едва повалились на навевающую игривые мысли кровать, они уснули, как после пахоты. Да куда там торопиться и наверстывать – у них впереди было целых десять дней...

Полученная от Кацубы инструкция насчет первой половины следующего дня звучала так: «Сходите в какой-нибудь хренов Эрмитаж или там в Русский музей, короче, куда-нибудь, куда все приезжие обязательно таскаются».

Маша выбрала Эрмитаж, кто бы сомневался. Туда и пошли. К двум часам дня они изрядно намяли ноги в музейных залах, поэтому с нескрываемым удовольствием опустились на стулья в кафе «Бестемьян», что на Малой Морской, неподалеку от Невского. А вот касаясь выбора кафе, времени его посещения и некоторых обстоятельств посещения уже никакого самовольства не допускалось, все было регламентировано: да, столик можно было занять какой угодно и заказать без разницы что, но ровно в четырнадцать десять Карташу вменялось в обязанность выйти в холл и оттуда позвонить с мобильного телефона на определенный федеральный номер (Карташ вынужден был заучить десять цифр), после чего вернуться в зал, через десять минут еще раз выйти позвонить, еще раз вернуться, в темпе расплатиться и уйти.

Понятное дело, Алексей исполнил все в точности. И вышел, и позвонил.

Таинственный номер отвечал длинными гудками. Карташ довольно долго ждал, пока ответят, но дождался лишь автоматического отключения связи, нажал еще раз на вызов – и снова получил длинные гудки. После чего Алексей пожал плечами и вернулся в зал. («О чем и с кем мне говорить?») – интересовался Карташ у Кацубы. – «Твое дело набрать номер и слушать, что там будет в трубке», – ответил Кацуба).

В трубке ничего нового не прозвучало и во второй раз. Те же длинные гудки.

Ситуация была словно позаимствована из шпионских романов. Дорогой кабак, красивая подруга, таинственное поручение и – щекочущее затылок ощущение слезки...

Да, здесь, в кафе, у Карташа впервые возникло чувство, что за ними следят. Кто является источником этих флюидов, определить было затруднительно. Пусть посетителей в кафе в этот час торчало немного, но когда не имеешь соответствующего навыка, нечего и пытаться *вычислять*. Практически в открытую зыркал некий мордатый тип, то и дело наклоняющий

над своей рюмкой водочный графин, но его, похоже, интересовала исключительно Маша. И если поверить Кацубе, предупреждавшему, что они будут *работать* без прикрытия, что никто из своих за ними наблюдать и их страховать не будет, то...

А ведь, черт побери, Карташ был готов к чему-то подобному! Потому что, спрашивая себя, зачем нужны все эти прописанные доктором Кацубой фокусы, себе же и отвечал: «Да скорее всего затем, чтобы отвлекать на себя внимание». Никакого более подходящего объяснения он не видел.

Представим себе, что в это же самое время другие люди прибыли в Питер, чтобы... ну, скажем так: чтобы проверить некое важное дельце. То ли эти люди тоже родом из Шантарска и прилететь должны были тем же рейсом, то ли поселиться они должны были в гостинице «Арагат» в номере, что занимают сейчас Карташ и Маша, то ли еще что-то – в общем, ситуация была выстроена так, чтобы Машу и Карташа приняли за других. Кто эти «другие», чем занимаются, чьи интересы представляют и кто ими так сильно интересуется – бескрайнее поле всяческих предположений, куда нечего и влезать без единого факта на кармане.

Однако если версия Карташа насчет отвлечения внимания верна, то рано или поздно должна была обнаружиться и слежка. Вот, похоже, – если это у Карташа не разыгралась паранойя – и обнаружилась таковая. Ну, а там где слежка, там и до прослушки остается даже не шаг, а шажок.

Между прочим, по поводу того, о чем говорить между собой, а о чем не следует, Кацубой были даны четкие целеуказания. «Обо всем, – сказал тот, – исключая последние бурные события. Представь себе, старлей, что ничего не было – ни побега, ни платины, ни Туркмении, ни сходняка в шантарском метро. Вот исходя из этого и общайтесь между собой».

Это, в общем-то, было легко исполнимо, потому как, по негласному уговору, они с Машей, еще до появления на сцене Кацубы с его предложениями насчет Петербурга, не вспоминали ни тайгу, ни Туркмению, ни Шантарск. Слишком уж болезненная получалась тема.

Разумеется, Карташ поинтересовался тогда у Кацубы, придав голосу шутовское звучание: «Мы, что, впутываемся в шпионские игры?». Конечно, он и не надеялся на развернутый ответ, но рассчитывал, что сможет кое-что понять из *любого* ответа...

«Ты же военный человек, старлей, – ответил ему Кацуба, хитро подмигнув, – должен понимать, что к чему. Если ты вливаешься в ряды и встаешь под знамена, то изволь соблюдать субординацию. Ты солдат, я – командир. Приказы не обсуждаются, а исполняются. Ну ты представь солдата, которому говорят: копай канаву, – а он лезет с вопросами: дескать, вы сперва объясните, что в канаву положат, да каким стратегическим целям эта канавка будет служить. Что тогда получится? Получится бардак, а не служба».

В общем, параноидальное ощущение, что за ними следят, как появилось, так и не отпускало. Хотя, опять же, не было каких-то реальных, осязаемых фактов, подтверждающих слежку. Так, никто вслед за ними из кафе «Бестемьян» не вышел, одни и те же лица в разных местах не мелькали, в общем, никаких серьезных зацепок, одно развопившееся чутье. С Машей своими подозрениями Карташ решил не делиться, нечего зря девушку тревожить, тем более, что ничего страшного в слежке нет...

В шесть часов вечера этого же дня Карташу пришлось выполнить еще одно «маленькое, но ответственное» поручение. Маша осталась в гостинице, а Алексей, взявши такси, доехал до Витебского вокзала, там сел на пригородную электричку, проехал несколько остановок до платформы Купчино, где вышел и спустился в метро. И подземкой поехал обратно в город.

Видимо, эти странные перемещения, придуманные отнюдь не Карташом, преследовали цель еще больше укрепить возможных соглядатаев в том, что они, филеры, следят за нужными людьми. Хотя Алексей, как ни старался, не мог вычислить шпииков во встречных и

попутных потоках горожан. Да и вообще, он поймал себя на том, что отвык от буйной столичной круговерти, что чувствует себя в толкучке непривычно, чуть ли не терялся – ну прямо как и полагается настоящему провинциалу. Вот ведь, блин, дожил! Шантарск, конечно, город крупный, а Ашхабад, бесспорно, город столичный, однако по ритму жизни те города все же иного, чем северная столица, порядка – тише, размереннее. Менее взведенные. Конечно, Питеру далеко по суетности и взбалмошности до Москвы, но на отвыкшего человека и здешняя жизнь действует оглушающе.

Тем вечером поездкой в метро дело не оканчивалось. Следуя все тем же приснопамятным инструкциям, Карташ выбрался на поверхность в заводском районе города, там быстро, опросив всего двух старушек, отыскал нужную улицу и уже без помощи аборигенов нашел двухэтажное здание из стекла и бетона. Одно оно такое наличествовало в окружающем пейзаже, состоящем из заводских корпусов, фабричных труб и кирпичных стен. Наверху – магазин сантехники, внизу – питейное заведение под вывеской «Рассвет». Подниматься на второй этаж Карташу было незачем.

Как разобрался Алексей, бар «Рассвет» располагался на равноудаленном расстоянии сразу от нескольких предприятий, работники которых и составляли клиентуру заведения. Войдя в «Рассвет», Карташ, что называется, смешался с толпой. Много их оказалось – тех, кто по окончании смены не спешил домой, к семье и детям, а предпочитал сперва пропустить чарку-другую водки в преимущественно мужской и, главное, понимающей компании. Поскольку Алексей одет был вполне демократично, то на него не обратили ровным счетом никакого внимания.

А вообще, лучшее место для встреч придумать было трудно, тем паче – как нельзя лучше подходило сие место, если кому-то что-то требовалось незаметно передать. Тусклый свет грязных ламп, сизая завеса табачного дыма, непроницаемая, как лондонский туман, и битком народа. Только вот встречаться Карташу ни с кем не требовалось, равно как и что-то незаметно передавать. Причем Алексей даже в шутку пожалел про себя, что нет необходимости отрываться от погони – уж больно удобно было затеряться за спинами и незаметно выскользнуть через служебный выход.

Хорошее задание ему выпало, если разобраться. Стой за столиком, потягивай дешевое, но вполне съедобное пиво, покуривай, слушай треп про «сук-демократов и смешные зарплаты», можешь и сам что-нибудь вставить в том же духе. Тем более, никто не заставлял в приказном порядке брать за стойкой водку, которую тут наверняка бодяжат из технического спирта...

А вот зачем потребовалось забираться в такую дыру и дуть пиво из кружек с отколами и трещинами? Карташ, например, не мог ответить на этот вопрос. Нетрудно догадаться, как ломают головы над этим же вопросом те, кто проследил за ним. Если, конечно, кто-то следил...

Ага! Карташ не был уверен на все сто процентов, однако мелькнувшая в дыму морда показала ему смутно знакомой. Где-то он видел эту физиономию, причем совсем недавно. Или в толпе, или еще где-то, не вспомнить. А может, все же паранойя? Чтоб там ни было, а подозрительный Карташу гражданин внимательно рассмотреть себя не дал – мелькнул и вновь растворился в табачных клубах. Да и бес ним, в общем-то...

Карташ честно, до последней точки исполнил выданные ему предписания: пробыл в баре минут двадцать, несколько раз пересек зал – сходил в туалет, подошел еще раз к стойке, свернул к окну, выглянул наружу. Дальше необходимого в «Рассвете» не задержался – сама по себе романтика подобных заведений его отнюдь не прельщала.

В гостиницу Алексей вернулся около девяти. «Ну и как, успешно прокатился по своим делам?» – потягиваясь, поинтересовалась Маша, которая, дожидаясь его возвращения в кресле перед телевизором, там и задремала. «Нормально, в самый раз», – ответил Карташ.

Никакой другой полезной информации гипотетические слухачи в тот вечер более не получили.

Зато гипотетическую *наружку* они с Машей работой обеспечили сполна.

В театр было поздно, в музеи и на выставки – безнадежно поздно, в ночные клубы еще рано, да и к тому же – так полагали они с Машей – у них впереди еще уйма времени, чтобы сходить куда душе угодно. И они провели остаток вечера, фланируя по Невскому, сворачивая на прилегающие улицы, прогуливаясь по продуваемым всеми ветрами набережным. Вдобавок опять сходили в кино, а опосля заглянули в кабачок на углу Жуковского и Маяковской с живой музыкой и досыта наслушались «битлов» в исполнении питерских ребят. Карташ, хоть к фанатам ливерпульской четверки и не относился, однако ж вынужден был признать, что лабают пацаны весьма и весьма на уровне. В общем, как говорится, провели время простенько, но увлекательно.

Но Алексей весь вечер ловил себя на неприятном ощущении, будто все, что происходит – происходит не с ним, а с кем-то совсем другим. Уж больно странны все те события, в центре которых помещается человек под именем Алексей Карташ.

И следом накатывали мысли и того чище. Ну, а как вдруг он, Алексей Карташ, вовсе не вышел победителем из схватки на железнодорожной насыпи? И сейчас он не гуляет по-над рекой Невой, а валяется на сыпучем гравии с ножевой раной в груди? Рядом шумит тайга, на лицо падает тень от стоящего рядом убийцы и в последний миг проносится перед глазами версия непрожитой жизни. Довольно причудливая версия, признаться...

Алексей отгонял от себя эти липкие, как паутина, мысли: стоило им поддаться, и они могли завести в вовсе уж непроходимые дебри разума.

Но он и в кошмаре не мог предположить, что на следующий день будет желать как раз того, чтобы эти безумные мысли – что он, дескать, лишь домысливает, воображает жизнь, – оказались сущей правдой.

Поскольку правда в реальности была еще страшнее, еще кошмарнее: *он собственными руками убил Машу*.

На следующий день им пришло приглашение на презентацию.

Глава 4

Вход бесплатный

Арсенальная набережная, дом семь. Знаменитые «Кресты». «Академия», ежели на фене. Они же – следственный изолятор номер один. Они же – учреждение ИЗ сорок пять дробь один. Комплекс строений темнокрасного кирпича, огороженных кирпичной стеной того же оттенка, расположившийся на Выборгской стороне, на самом берегу Невы. «Кресты» – потому что оба четырехэтажных ее корпуса выстроены, если посмотреть сверху, в форме «греческих», то бишь равноконечных крестов. Quadrata, если кто сечет по-ихнему. Про архитектора «Крестов», некоего Антония Томишко, есть такая легенда: дескать, по окончании строительства пришел он к царю и говорит, от волнения путаясь в словах: «Ваше, мол, величество, а я тут для вас тюрьму построил...» «Н-да? – хмурится Наше Величество. – Нет уж, брат, это не для меня, это для себя ты крытку смастрячил...» И засадил архитектора в тайную одиночку (к слову сказать, тогда все хаты в «Крестах» были одиночными). Там и сгинул Антоний, заживо замурованный. И, дескать, до сих пор та камера не найдена, существует где-то на территории, а неприкаянный призрак бедолаги по ночам бродит коридорами и стенает... Брехня, конечно, однако ж могилка Томишко и в самом деле не сохранилась, так что байка сия живет и по сей день... Елки-палки, каких имен собранье, как сказал классик, кто в «Крестах» только не сидел – Троицкий, Керенский и папа Набокова, Малевич, Заболоцкий и Лев Гумилев, Жженов, Бродский, Олег Григорьев... А вот теперь и имя Алексея Карташа будет вписано в почетную книгу сидельцев...

Это он так пытался развлечь себя. Не помогало ничуть.

«Автозак» притормозил, послышались лязг и скрежет, и сквозь Южные ворота «ЗИЛ» вкатил на территорию «Крестов».

Пассажиры притихли: прониклись, наконец. Да и Карташ почувствовал трепет, аж передернуло всего – англичане называют это «гусь прошел по моей могиле». Совсем как парень из братанов Стругацких, попадающий на Зону – тот тоже всякий раз чувствовал содрогание и мурашки. Ну, а «Зона», «Кресты» – какая, на фиг, разница...

Остановились. И некоторое время не происходило ничего.

– Чего стоим-то? – напряженным шепотом спросил кто-то.

– Чего, чего, – огрызнулся «адидаас». – Машину снаружи осматривают... А ты торопись, что ли, куда-то?!

Распахнулась дверца, конвоир скомандовал скучным голосом:

– Выходи давай. И, это, стройся.

Поодиночке прыгнули на свежий снежок, построились в неровную шеренгу. Уже было темно, пустынную заснеженную территорию освещали прожекторы. Оцепления вертухаев с автоматами и с рвущими поводок собаками поблизости не наблюдалось, лишь мялись от скуки трое прапоров. Без автоматов. И вообще без оружия. С беззвездного черного неба на «Кресты» смотрела желтая луна.

– Короче, я сейчас буду фамилии называть, а названный должен говорить: «Я!» – четко и громко. Ясно? Поехали, – сказал топчущий снег в ожидании гостей коренастый человек в камуфляже и с седыми усами.

– Комендант, – сказал кто-то шепотом. – И че он на воздух вылез, обычно внизу всегда встречал...

В сумерках звания коменданта было не разглядеть, однако ни злобы, ни презрения в голосе не слышалось. Говорил он деловито и отрывисто, как человек, не любящий тратить время попусту. Посмотрел на верхнюю из кипы папок в руках, прочитал:

- Мишкин!
- Я... – откликнулся «адидас».
- Имя-отчество.
- Пал-Иваныч.
- Статья.
- Сто шестьдесят первая, часть вторая, пункт «а».
- Место рождения.
- Волгоград...

И так далее – с некоторыми вариантами: иногда кроме места усач спрашивал и дату рождения, или, скажем, адрес прописки, или еще что-то. Когда очередь дошла до вроде бы знакомого бледнолицего, который искоса разглядывал Карташа по пути, Алексей прислушался внимательнее, но названные ФИО опять же ничего ему не сказали: какой-то там Крикунов Родион Сергеевич, осужденный по статье сто шестьдесят третьей, часть три, пункт «г». Серьезная статья. Ну и что? Ну и ничего.

Наконец с формальностями покончили. Усатый взял папки под мышку и, скомандовав: «Пошли за мной. И не растягиваться», – повел цепочку арестованных к мрачному приземистому строению с тускло освещенными подвальными окнами. Сооружение выглядело весьма мрачно и навело мысли об энкавэдэшных застенках.

В тот подвал и спустились – обширное помещение с низким потолком, выложенное блеклым кафелем, с шаткими лавками по периметру.

А дальше настало время оформления постояльцев гостиницы под названием «Кресты»: процедура насквозь бюрократическая и оттого изнурительная сильнее, нежели любой допрос у следователя. Одна радость случилась поначалу: рассадили их по одиночкам, и Алексей наконец-таки жадно закурил. А потом понеслось...

Инструктаж насчет того, что любая попытка к побегу будет вредна для здоровья: «распишись-ка». Шмон одежды и личных вещей. Деньги, мобильники, колющережущее, шнурки-галстуки-ремни и тому подобное изымается, взамен выдается квитанция – дескать, будешь выходить, вернем. Распишись-ка. (Причем деньги можно положить на лицевой счет и официально покупать что-нибудь в «Крестах» типа как по безналу. Удобно, блин. Денег у Алексея было тысячи три.) Хорошо хоть, бритву одноразовую и зубную щетку не изъяли...

Фотографирование.

«Пальчики».

Осмотр у врача. «Флюшка» – флюорография, проверка на тубер и на вшивость, анализ крови на СПИД и прочую каку. Плюс – осмотр тела на предмет гематом и иных повреждений; при наличие таковых – обязательная запись. («А это зачем?» – поинтересовался Алексей. – «А это затем, – равнодушно сказал лепила, – чтобы ты потом не вопил, будто фингалов тебе здесь злые цирики понаставили».) Плюс – подробный осмотр организма на предмет «контрабанды»: а вдруг ты за щекой «марки» вперемешку с бритвами несешь, а в заднице – ствол?..

«Прожарка», баня, то есть, с местным колоритом: тугие горячие струи, клубы пара, голые тела – некоторые синие от наколок...

Наконец, выдача матраца-одеяла-подушки-миски-кружки-ложки: «распишись-ка». Прапор, который выдачей заведовал, наметанным глазом оглядел небогатый прикид Алексея, хотел было предложить помощь насчет «продать-купить», но, наткнувшись на угрюмый взгляд, ничего не сказал.

Ну, вроде, все.

Оделись, выстроились, и в сопровождении усача гуськом двинулись на свежий воздух. Шли недолго – до поста в этом же здании, где их уже поджидал очередной камуфляжник с

лейтенантскими погонами, такой же деловитый и сурьезный. И все по новой: фамилия, за что определен в «Кресты» – и далее по тексту. На вопрос за что сидишь «адидас» вскинулся:

– Да ни за что, командир. Ментам просто палку срубить надо было, вот и повязали на улице, бля буду!

Сержант устало поднял взгляд и спросил:

– А по версии следствия?

«Адидас» тут же стух и проворчал, запахивая полы куртки:

– Ну, если по версии... То, как водится... грабеж. Это... группой лиц по предварительному сговору.

– То-то...

После чего сержант споро распределил вновь поступивших клиентов по корпусам, и разбившиеся на две группки, ведомые цириками, постояльцы разошлись в разные стороны.

Через двор, в обход двухэтажного строения, по расчищенной дорожке налево. Разговорчики в строю прекратились, все как-то прониклись и осознали: вон она, последняя пересадочная станция, транзитный вокзал, откуда некоторые отправятся дальше – в увлекательное турне по лагерям и «химиям», а иным, дай-то бог, посчастливится не попасть на поезд и вернуться к обыденной жизни... Молчали и конвоиры, и лишь снежок скрипел под ногами – «хрусть, хрусть...». Темнел на фоне подсвеченного луной неба купол «крестовской» церкви.

Вошли в корпус, тот, что расположен дальше от Невы; скучающий человек в будке нажал кнопку, щелкнул замок, впереди идущий конвоир открыл дверь – плексигласовую, помутневшую от времени и частых касаний плиту, примастряченную к решетке, – позади идущий дверь закрыл. Короткий коридор, еще одна дверь...

И вот они в центре «креста», куда сходятся диаметральными лучами отделения четырехэтажного корпуса. Наверное, Алексей должен был ощутить что-то вроде смятения: он на перекрестке четырех дорог, где налево пойдешь – в камеру попадешь, направо – то же самое, прямо-назад – аналогично... но разум наотрез отказывался от символических аналогий и поэтических сравнений. Все было прозаично и примитивно: пол, опять же, выложен плиткой, желто-красной, по стенам тянутся металлические огражденные переходы, соединяющие между собой галеры – коридоры с камерами, над головой натянута сетка, совсем такая же, как в лестничных пролетах некоторых «сталинок» – во избежание случайного (а, скорее всего, преднамеренного) падения вдребезги несознательных граждан.

Еще одна беседа с представителем племени надзирателей, на этот раз беседа тет-а-тет, с ласковым заглядыванием в глаза, задушевная – сил нет. Ни дать ни взять, на приеме у психиатра. Да и вопросы плешивый майор задавал под стать психиатрским: ни о чем. Может быть, он и сам не вполне въезжал, о чем спрашивает будто бы невзначай, между делом, за разговором. А может быть, просто скучно парню, поболтать не с кем... Ну, типа: на зоне служил, да, старлей? И как там? Ага... Куришь? И я тоже. А ты наш, православный?... Да ни к чему, просто так спросил. Кстати, в Чечне не был? А мне вот довелось, две пули в бедре вот от мусульман окаянных... ну да ладно, не о том мы. Вот вижу, в несознанку играешь. Это, конечно, не мое дело, совершал ты преступление или нет, но на ментов-то зла не держишь, что укатали? Ну и правильно, у них своя работа, у нас своя... Первая ходка, да? А тачку водишь? И я вожу. Ну да, гаишники обурели вконец, а что делать – все кушать хотят, правда?..

И так далее. Наконец майор вздохнул, потянулся, сделал отметку в какой-то табличке, заключенной в фанерную рамку, похожую на битую для лапты, и кивнул ожидающему вертухаю:

– Давай-ка в четыре-шесть-*

В сопровождении вертухая поднялись по гремящим ступеням на третий этаж, сопровождающий отдал бумажки очередному охраннику. Охранник посмотрел на Карташа одним глазом, как курица на зерно, и буркнул ворчливо:

– Прямо по галере до камеры доходишь, своими ножками, и там останавливаешься, понял? Спокойно доходишь, понял? Нет у меня людей за ручку тебя водить.

Чего ж не понять...

Карташ прошел по галере на ватных ногах, как будто в конце его ждала «стенка», увидел трафаретную надпись на двери «46*» и послушно остановился.

Кто именно его подставил, Алексей сейчас старался не думать. Может быть, объект, для которого плела свою загадочную паутину контора Глаголева, расшифровал Карташа и решил устранить помеху в лице старлея. Ну, при таком раскладе, Кацуба, дай бог, вытащит... если, конечно, захочет... А вот ежели так и было задумано во имя каких-то там высших целей, и посадка Алексея является неотъемлемой частью Глаголевой схемы... Об этом размышлять не хотелось. Карташ полагал себя реалистом и касательно *гуманизма* конторы иллюзий не питал, но – от этого легче не становилось. Так что на данный момент он знал только одно – как, впрочем, и все попадавшие в аналогичную ситуацию, во все времена, во всех странах на всех континентах: тебе не поможет никто, кроме тебя. Или кроме совсем уж фантастической ситуации. В какую, после всего случившегося (а если откровенно, то и до), Карташ не верил.

– Лицом к стене повернись-ка, – услышал он за спиной и ненароком оглянулся.

Сзади оказалась фигуристая тетка в форме, с забранными в пучок непослушными волосами, подошла, пока Карташ мозговал о своей судьбинушке.

– Давай, давай...

Алексей повернулся лицом к бледнозеленой стене.

Рыжая с грохотом провернула ключ в замке.

И Карташ мысленно вознес мольбу Господу, собрался, готовясь к худшему. В том, что его ждут с нетерпением, распростертыми объятьями и, весьма вероятно, заточками, сомневаться не приходилось: «тюремное радио» наверняка уже сообщило, что к ним едет бывший вертухай. На перо, разумеется, не поставят, но жизнь постараются устроить такую, что и гестаповские застенки покажутся Французской Ривьерой, это к прокурору не ходи...

За все время службы при полкаше в комиссии по контролю за исполнением наказаний, Карташ, хоть в тюрьмы ни разу не заглядывал, зато с различными инспекциями посетил чертову тучу исправительнотрудовых учреждений; бывал в «красных» зонах, навевался и в «черные». Видывал ИТУ, где царит форменный беспредел – либо со стороны оперов, либо со стороны контингента, без разницы, – и ИТУ, где имел место быть относительный порядок. Да и сам ведь, кстате, после истории с генеральской дочкой, после опалы вертухаил, – слава богу, на вполне мирной и спокойной зоне... ну, если не считать, конечно, финального «Пугачевского» бунта. Так вот, с инспекциями он объездил чуть ли не всю страну, и везде, везде видел одно и то же. Поэтому сейчас Алексей ничуть не сомневался в дальнейшем ходе событий, в том, что его ждет. Камера наверняка – метров пятнадцать квадратных, рассчитанная душ на десять; камера, в которую запихнуто человек тридцать. Авторитетные товарищи, ясное дело, расположились на козырных местах, возле забранного решеткой окошка, отгородившись от прочих ширмочкой или занавесочкой – границей, за которую переступать имеют право лишь избранные да специально приглашенные – для разруливания каких-либо вопросов. У них и холодильничек наверняка присутствует, а может, и телевизор имеется. Прочие же вынуждены делить оставшуюся площадь «по-честному». Спать по очереди, хавать по очереди. Зачмуренные тоскуют под нарами или возле параша. Воняет сыростью развешенного в проходе бельишка, человеческим потом, табаком, чифирем. Каждого вновь прибывшего, и Карташа в том числе, ждет «прописка» – жестокое и унижительное испы-

тание, устраиваемое верховоющими расписными (или же бритыми) с целью определить статус новенького. И от того, как поведет себя этот новенький, будет зависеть его дальнейшая судьба – что в хате, что, не приведи бог, в лагере: станет он «петушком», «машкой», то бишь опущенным, станет ли простым «мужиком» или же добьется уважаемого положения в «обществе» – пусть и не будучи вором... А «прописывать» его будут не по-детски, это факт: смотри выше пассаж о бывшем вертухае...

Наконец, дверь распахнулась, и Карташ шагнул за порог.

– Здравствуйте, люди, – на автомате сказал он.

И осекся. Дверь с лязгом захлопнулась за его спиной.

Приехали. Здравствуйте, девочки. А также – здравствуй, жопа, Новый год...

Нет, поздоровался он правильно, не в том дело. Любое другое обращение могло резко добавить ему штрафных очков. Скажи он «мужики», и у обитателей хаты тут же появится претензия: какие мы тебе, на фиг, «мужики», чмо?! И – бац по печени. «Пацаны» тоже не катит: «поцан» *по-еврейскому* значит, как говорят, «маленький пенис», так что – бац по печени. «Братаны»? Да какие мы тебе братаны, тоже мне, родственничек выискался! Бац. И так далее...

Осекся он по совершенно другой причине, и мысли заскакали в голове со скоростью вращающихся барабанов игрового автомата.

Единственное, что угадал Карташ в своих предположениях, это наличие окна, развешенного белья и холодильника. На самом же деле камера была далеко не пятнадцать, а всего лишь квадратных метров восемь площадью, и была она шестиместной – трехъярусные нары по обе стороны от входа, и обитало в ней ровно три человека, с любопытством разглядывающих нового постояльца. Краем глаза Карташ успел отметить накрытую «поляну» на поворачивающемся столике, примастраченном к ножке нар по левую руку – белый хлеб, колбаска, лучок, сыр, даже, японка мать, бутылочка водочки. Имелся также настоящий унитаз, а не параша...

Вот и вспыхнуло в мозгу кошмарное: малочисленность камерного населения, малогабаритность площади, относительная комфортность и полный стол хавки означает одно: привели его к тем самым отморозам, которые по заказу мочат кому-то неугодных. Нет человека, как говорится, – нет проблемы. То есть, проблемы, конечно, будут – у сизошного начальства, бумажки там всяки-разны, отписки и объяснения, как, мол, получилось и кто виноват в том, что подследственный Карташ споткнулся, болезный, о порожек и в падении напоролся жизненно важными органами на край унитаза восемь раз. Но сии проблемы заказчика, надо думать, волнуют мало. Плавали, знаем... А также смотрели телевизор и читали книжки.

Нет.

Да нет же!

Не может быть. С таким старанием *закрывать* его – и только ради того лишь, чтобы трое уродов вогнали ему сейчас заточку в печень? Не бывает. Это уже паранойей пахнет...

– И тебе привет. Ну, че встал на пороге, сосед, ну и заходи, – с ленцой пропел штымп, лет эдак пятидесяти, в спортивном костюме, полулежащий на нижней полке нар и даже не пошевелившийся при Алексеевом появлении.

Зато двое его сокамерников, до того занимавшиеся своими делами, проявили живейшее любопытство. Один сел, отложив потрепанную книжку в мягком переплете, свесил ноги с верхней полки нар, пошевеливая пальцами под шерстяными полосатыми носками, и уставился на Карташа – совсем как биолог на какую-нибудь редкую животину на лабораторном столе, второй же, у окошка, затушил окурочок в ярко-красной пепельнице с надписью «Marlboro», подошел, поправил очки на переносице и скрестил руки на груди: мол – «ну и чего пришел?». Причем все трое были вида насквозь ментовского. «Красная» хата, что ль?..

Алексей сделал шаг внутрь камеры, только один шаг, и тут же лежащий на нижней полке негромко приказал:

– Стой-ка, братан.

И почесал живот. В камере пахло свежeweымытым при посредстве «Ваниша» полом.

Алексей напряженно замер. Ага, «братан» все ж таки, надо же... И что теперь? Оскорбиться? А на что? Пока его, вроде, никто не оскорблял...

– Табуреточку вон ту видишь, одесную? – спросил исследователь холодильника. – Так что шмотки кидай на свободную шконку, – взмах рукой, – а сам присаживайся.

Шаткая табуретка действительно имела место неподалеку, между умывальником и «дальняком»⁴, как специально для него приготовленная. А «шконкой», судя по всему, именовались здесь нары – в Пармском лагере они назывались «шкондари», – и говоривший указывал на койку в верхнем ярусе слева. Карташ мгновенье подумал и подчинился: положил скатку из постельного белья на нары и послушно сел на табурет. Быть покладистым в чужом монастыре – лучшая тактика. Тем более, мочить пока точняк не собираются. Так, присматриваются и принимают...

– Эдик, – сказал лежащий и почесывающийся.

Не, не фига, это он не представлялся – это он приказ отдавал, и только что куривший очкарик немедля вразвалочку подошел к сидящему на табуретке Карташу, буркнул: «Извини, братан, не дергайся», – и быстренько пальцами прошерстил его волосы. Ага, старший по камере, следовательно, тот, что возлежит на коечке... пардон, на шконке.

Тем временем, очкарик то ли по имени, то ли по кликухе Эдик закончил медосмотр головной части Карташа и отрапортовал, не поворачиваясь:

– Череп чистый, Дюйм.

А потом наклонился к Алексею:

– А грибочков нам не принес, а, сосед?

Пока Карташ судорожно вспоминал, что на блатном жаргоне означает «грибочки», Эдик пояснил:

– «Колеса» сымай. И «сырки» тоже.

Ах, в этом смысле...

Алексей снова подчинился – на автомате снял туфли и стянул носки, непрерывно сканируя обстановку. *Акцией* вроде не пахло, но в воздухе прямо-таки было разлито напряжение... нет, не напряжение – некое болезненное внимание к его персоне, пристальное, тягостное. И в голове опять промелькнуло идиотское: обувь с трупа себе оставляют, скоты... Но он тут же бредовую мысль отогнал. Пока ничего угрожающего – чистюли просто заботятся о санитарном состоянии камеры, вот и все. И плевать им, что лепила Карташа уже пользовал – потому как береженого бог бережет...

Тем временем названный Эдиком (совершенно неопределенного возраста субъект, то ли восемнадцати годков отроду, а то и всех сорока, с жиденькими, мышиноного цвета волосами на косоу пробор) так вот он наклонился к его ногам, осмотрел ногти, ступни, принялся. Выпрямился, отошел к нарам, сообщил старшему:

– И тут нормалек, грибков вроде нема. Короче, Дюйм, чистый «вован»⁵ попался, вот чудо-то... Обувайся.

Старший с погонялом Дюйм неопределенно кивнул, а Карташа мигом опять напрягло – при слове «вован». Стало быть, и в самом деле им уже известно, кто он есть... Но будущие соседи по камерной коммуналке восприняли сие определение равнодушно, как само собой разумеющееся. Дюйм с кряхтеньем принял сидячее положение...

---

⁴ «Дальник» – отхожее место.

⁵ Военнослужащий внутренних войск.

И тут обладатель полосатых носков спросил вкрадчиво, глядя куда-то в пространство:

– Ну а теперь объясни нам, *Лешенька*, каким это ветром тебя, «бэсника» и цирика, занесло на хату к людям понятийным и авторитетным?..

Причем слово «Лешенька» было произнесено тоном настолько мерзопакостным и угрожающим, что Алексей непроизвольно сглотнул и, не надевая обуви, медленно с табурета встал. Блин, и имя, оказывается, знают.

Ну вот, началось...

Глава 5

Камера четыре-шесть-* и ее обитатели

– Не гони, волну, Квадрат, – поморщился Дюйм. – Дай обвыкнуть человеку, а потом уже с претензиями лезь...

– Да не, пахан, в натуре! – подпустил истерики в голос обозванный Квадратом, накачивая сокамерников, и мягко, как кошка, соскользнул с нар. – Он же вэвэшник, он наших пацанов трюмил на зоне, падла! Че ему тут обвыкаться?! – Повернулся к Алексею и гаденько ощерился: – Че ты буркалами сверкаешь, че сверкаешь, сука?! Не думал, что когда-нибудь ответку держать придется за свой сволочизм? Так что не взыщи уж, спросим по полной...

Алексей молчал, лихорадочно продумывая тактику действий... Да каких, к чертям, действий – тактику боя продумывая. Драки не избежать, тут и думать нечего. Противники вроде не вооружены (хотя долго ли дать заточенной ложке скользнуть из рукава в ладонь), и если навалятся всем скопом – есть шанс.

Что погано – ничего полезного, что можно использовать в качестве оружия, в радиусе вытянутой руки не наблюдалось, даже белье на веревке было заботливо отодвинуто подальше от прохода, к крашенным бледно-зеленой краской стенам. Не будешь же унитаз выламывать с корнем и обороняться им...

Однако какая тварь его в камеру с братвой определила, вот вопрос...

Эдик опасен. В глаза не смотрит, но из поля зрения не выпускает. Положение ступней, то, как он держит плечи, голову, – каратэка, наверняка. Хорошая вещь – органолептика...

Чего греха таить, Карташу было страшно. Но к страху, нейтрализуя его, примешивалась изрядная доля злости, и от того в голове было ясно. Мать вашу, не для того я горбатился в ВВ, чтоб теперь какие-то «уголки» зело борзые меня гнобить начали...

Квадрат, многозначительно напевая под нос:

А мальчонку того
У параша барачной
Поимели все хором –
И загнали в петлю... –

отряхнул джинсы и вразвалочку подошел к Эдику, встал чуть впереди.

Ну, вырубить Квадрата проблемы не будет: по всему видно, что боец из него никакой... Вазомоторика у него не ахти, не шибко боевая, но в ручонке он вроде бы небрежно держит свинченную с приемника телескопическую антенну. Вещица легкая, ломкая и в серьезном бою бесполезная, одноразовая, однако ежели человеку неподготовленному стегануть по глазам, по уху, по пальцам, по кадыку – хотя бы на секунду, короче, выбить из колеи, отвлечь внимание от основного противника... Значит, не бином Ньютона: один отвлекает, типа лезет первым в свару, строит из себя крутого, а второй, даром что очкарик, до поры до времени не отсвечивает, держится в тени, чтобы просчитать подготовку Карташа и нанести удар...

– Ну так че молчишь, милый? – ласково прищурился обладатель полосатых носков. – Язычок проглотил? Невежливо, у тебя же по-хорошему спрашивают: какого хера ты в нашу хату заполз...

Ладно, *братаны*, не я бузу затеял, но начну, пожалуй, первым, потому как красные начинают и выигрывают...

Ломиться обратно в дверь с воплем: «Хулиганы зрения лишают!!!» Алексей, разумеется, не стал – запаadlo. Вместо этого он без лишних слов пальцами босой ноги поддел давеш-

нюю табуретку и швырнул ее прямым в окуляры Эдику. Тренированный Эдик, конечно, метательный снаряд отбил, но отвлекся, потерял долю секунды, а Карташ за это время – камера-то крошечная – переместиться впритык к Квадрату, нырнул под свистнувшую возле самого уха антенну, впечатал со всей дури тому кулак под дых, крутанулся на месте и резко ушел в сторону – на всякий случай, чтобы Эдик, на миг выпавший из поля зрения, не зацепил.

Зацепил-таки, урод, по бедру, несильно, но обидно – реакция у очкастого оказалась будьте-насте. Странно, что не достал... Квадрата, сгибающегося от боли в три погибели, можно было уже в расчет не принимать, все внимание следовало сосредоточить на Эдике. Алексей только начал ставить нижний блок, а Эдик, тварь, уже разворачивался в приседе, и его нога, распрямляясь туго скрученной пружиной, уже летела, целя переднюю треть ребра стопы аккуратно Карташу в пах, и Карташ подкоркой понимал, что перегруппироваться, сменить стойку ну никак не успевает, что сейчас копыто очкастого размажет его чресла в омлет, и, на уровне подсознания смирившись с неизбежным, выбросил вперед кулак с чуть выставленной фалангой среднего пальца, метя суставом очкарику в переносицу...

Камерная драка, да, впрочем, как и любая уличная, – эпизод скоротечный и стремительный. Это только в кино герои красиво метелят друг друга в течение пятнадцати полноценных экранных минут, отработывая гонорары и убажывая зрителей. У настоящей же драки – не боя на ринге, а именно драки – законы другие. За максимально короткий срок необходимо причинить максимальный урон противнику, ибо противник с тобой церемониться уж точно не станет. Тут не до правил и не до христианского, блин, человеколюбия, тут главное выйти из потасовки как минимум живым, а как оптимум – без потерь для здоровья. А победителей не судят, не правда ли? Так что в ход идет все, что имеется в распоряжении: руки, ноги, корпус, ногти, зубы, лоб, ключи, зажигалка...

А вот Карташ Квадрата пощадил. Мог бы, дурацкое дело нехитрое, козлине коленную чашечку выбить или шнобель сломать, да так, чтоб раздробленные носовые кости в мозг вошли... Не стал. Честно признаться, не из дурацкого гуманизма, а просто потому, что не было времени калечить «углового» основательно... А если еще честнее, то краешком сознания Алексей понимал прекрасно, что, проиграй он бой, покалеченного сокамерника ему не простят.

Короче: рассказ длится значительно дольше, нежели события происходят в реальности, все завершилось за какие-то шесть – семь секунд после начала раунда. Удар Эдика – удивительно, но факт – цели не достиг, нога его ширкнула по Алексеевой ширинке и отдернулась; мошонка Алексея была спасена для человеческого генофонда. Пропал втуне и выпад Карташа: очкастый неуловимым движением перехватил его кулак возле самого носа, легонько вывернул, чуть обозначая болевой, тут же отпустил. А потом скользящим движением вдруг отодвинулся на безопасное расстояние и поднял руки.

– Стоять!

Все еще охваченный азартом боя, Карташ рыпнулся было в контратаку, фиксируя каждое движение противника... и замер.

Противник, хоть и сохранял оборонительную стойку, но махач продолжать явно не собирался!

– Стоять, кому сказал! – рявкнул старший громче. – Обоих касается!

Голосина у Дюйма оказался стопудово командирский, такой, что некий товарищ старший лейтенант, навечно вживленный строевой службой в подкорку Карташа, встрепенулся и вытянулся во фронт.

– Все-все-все, орлы, брейк, – добавил он сварливо. – Пошутили, и хватит. А то разошлись, понимаешь. Вы мне тут еще мокруху устройте, джекки чаны фиговы... – Эдик опустил руки, а старший вдруг развеселился: – Первый раз такое вижу: Эдика чуть не положили!

– Щас тебе – «положили», – не поворачиваясь, настороженно глядя на Карташа, ответил очастый. – Я его достал... Ведь достал, а?

Карташ помедлил, а потом сумрачно кивнул, пребывая в полных непонятках. Напряг в насыщенной «Ванишем» камерной атмосфере, напряг, только что почти физически ощутимый, улетучился без следа. И Алексей позволил себе малость расслабиться. Так это что, шутка была? Это «уголки» таким манером новичков прописывают? Вот ведь гниды...

– Нет, ну мать же его, Дюйм... – с трудом выдавил Квадрат, медленно распрямляясь и глубоко, сосредоточенно дыша. – Шутки шутками, но он же мне весь ливер на хрен в кашу разворотил...

– Неясно сказано? – в голосе Дюйма опять появился металл. – Стоять! А чего ты хотел? Сам первым попер на мужика с предъявой... Не ной, выживешь. Эдик, что встал, как не родной? Пригласи гостя к столу. Голодный, поди, после ивээски-то⁶... Прогары, короче, Леха, натяни, пол у нас без подогрева, табурет двигай сюда и подсаживайся. Отпразднуем, типа, пополнение в наших стройных рядах «бээсов»... – Он вдруг ухмыльнулся и хитро посмотрел на Карташа. – Да не дрейфь, душа моя. Пошутили мы. Прописку уже лет десять, как сходняк отменил. И потом, думаешь, опера тебя и в самом деле к уркаганам посадили? Как бы не так. На фига им лишняя головная боль? А если тебя «уголки» порежут, или хотя бы табло тебе начистят? Они, опера, то бишь, потом вовек не отмоются. Им спокойная жизнь зело по душе. Да и «уголкам» тоже.

– Ага, – буркнул отдышавшийся Квадрат, глядя на Карташа исподлобья. – Начистят ему, жди, отморозку... – Он подобрал выроненную антенну, сложил ее и зло бросил на шконку. – В гробу я видел такие розыгрыши...

– А это я тебе за *Лешеньку*, – мстительно сказал Карташ и поставил валяющуюся на боку табуретку.

– И эт-то правильно, – похвалил Дюйм. – Ты бы с языком своим поаккуратнее, Квадратик, я тебе сто раз говорил. Смотри, подрежут в один прекрасный день.

– Сам смотри за своим языком, – огрызнулся полосатonosочный.

– Елки-палки, ну что у тебя за характер, а! – скривился Эдик. – Сам же предложил: скучно живем, мужики, давайте, мол, парня на тонкость кишки проверим! Вот и проверил, гаишник фигов!

– А ты, можно подумать, против был! – взвинулся Квадрат с полуоборота. – Первый и завершал: я его пробью, я его пробью, а ты огонь на себя отвлекай!.. Терпил своих ты тоже ногой по яйцам убеждал заявы забирать?!

«Эге, – подумал Карташ, негнуцимися пальцами натягивая туфли, лишившиеся шнурков, и чутко прислушиваясь к светской беседе, – а отношения у ребяток еще те...»

– Ну-ка ша! – опять пришлось вмешиваться старшему. – Вы мне хату не позорьте-то! Марш по углам!

Ледяной стержень, торчащий в сердце и не исчезающий с того момента, как на его запястьях защелкнулись «браслеты», постепенно таял. И почему-то именно сейчас он окончательно уверился: соседи не врут, никакие это не «углы», а просто скучающие, мать их, «бэсники». Черт его знает, почему уверился. Может, потому, что нагледелся выше крыши на *настоящих* урок и уже по одному взгляду мог отличить и даже классифицировать их: этот – явный «законник», тому – на мокрое пойти как два пальца об асфальт, но стучать станет, лишь только погрози сурово пальцем, а третий – просто баклан, шпана, но к ней, шпане этой, спиной поворачиваться не рекомендуется: пику может вставить как «ха», потому как молодой, горячий и полагающий, что круче его только Игорь Крутой...

⁶ ИВС – изолятор временного содержания.

Но остается вопрос: откуда ж у простых «красных» такое соц-обеспечение и такие хоромы? Значит, не простые это «красные». Значит, не случайно Алексей угодил именно к ним...

Тем временем угомонились. Карташ покончил с обувкой, выпрямился. Бормоча что-то под нос, на шконку сел Квадрат. Сел и Эдик, подмигнул Алексею:

– Да свои, братан, свои, не напрягайся. Если б не свои были, я бы тебе шарики-то размазал-то, думаешь, нет? А не веришь – так вон мое обвинительное заключение на полочке пылится, можешь заглянуть и посмотреть, кто я есть на самом деле: старший оперуполномоченный Рудин моё фамилие...

– Короче, давай-ка за стол, Леха, – сказал Дюйм. – Или, если хочешь, покемарь пока. Я, помню, когда первый раз меня *закрыли*, часов двенадцать продрых без задних ног – вымотали меня следаки вусмерть, да и перенервничал...

Но Алексей все еще колебался.

– Дюйм, а он думает, что это еще одна проверочка, – опять встрял, склонив голову набок, Квадрат. – Типа, отведаешь чего-нибудь, а потом окажется, что жрачку до тебя уже попробовал «петушок». Слышал про такое? А есть из шлёмки опущенного – запахло немецкое, стало-ть, и тебе быть «петухом».

– Эх, молодежь, книжек глупых начитались... – вздохнул Дюйм, передвинул свои телеса к столику, бросил на ломоть белого хлеба кружок твердокопченной колбасы, сверху положил кусок сыра и сочно впился в бутерброд зубами, глядя при этом на Карташа.

Карташ же пищеварительные позывы сдержал и сказал:

– Да не в том дело, спасибо... Люди, а как насчет умыться-побриться? Негоже так за стол садиться, с дороги-то...

Не во имя этикета спросил, ей-богу: в самом деле, ладони были омерзительно липкими, к тому же с не до конца смытой краской для «пальчиков», и щетина кололась чуть ли не до чесотки, так что Карташ готов был подписать любую чистуху – лишь бы позволили взять в руки мыло и бритву.

И, как оказалось, спросил в масть.

Эдик посмотрел на Квадрата, Квадрат посмотрел на Дюйма, тот посмотрел на Карташа – и, ухмыльнувшись, разрешил милостиво, но уже с ноткой уважухи в голосе:

– Валяй. «Светланка»⁷ вон... Ты уж извини, браток: по правилам, надо было тебя сначала за стол усадить, напоить-накормить, а потом уже шутки шутить... Ты не в обиде?

– Вы хозяева... – Карташ пожал плечами, достал свою бритву, повернулся к раковине, включил воду.

– Это еще что! – сказал Квадрат. – Мне местный опер рассказывал. Сидел тут один хмырь по кличке Ржаной. Спортсмен. Командир какой-то крутой ОПГ. Сидел мирно, спокойно, не быковал... Так опера подшутить решили и посадили к нему парня по фамилии Ржаной – посмотреть, типа, как два Ржаных уживутся. А хлопец тот вообще не при делах: первоходка, водила простой, за ДТП со смертельным исходом закрыли. Ну, посадили, короче... День проходит, два – тишина. Опера уже все на изменах: как бы не случилось чего, как бы спортсмен этого не завалил. Врываюся в хату – а там мир и благодать: Ржаной-бандит чай кушает, Ржаной-водила на шконке лежит, глазенками лупает... И тот, который бандит, даже имени-фамилии его до сих пор не знает! Оказывается, он как с новенькими знакомился? Не прописывал, а именно знакомился. Ни слова не говоря подходит и ласково так – хер-рак по печени! Если выдержит удар, значит, стоящий человек и можно с ним дело иметь, будь он хоть сам министр внутренних дел. Ну, а если нет – то пусть сидит на своей шконке и не отсвечивает, под ногами не мешается...

---

⁷ Умывальник.

И Квадрат заржал.

Зеркала не было. Ну и плевать. Краем глаза все-таки отслеживая происходящее за спиной, Карташ мысленно поздравил себя с первыми победами – совершенно непроизвольно заработал несколько призовых очков на элементарной чистоплотности. Хотя, блин, мог бы и сам догадаться: коли уж устроили форменную СЭС на входе, стало быть, хата стараниями ее обитателей содержится в чистоте и порядке. И сие необходимо приветствовать и поддерживать.

Закончив гигиену, Карташ повернулся к соседям.

– Давай сюда, Леха, порубаем малость, – махнул ладошкой старший и глянул на Эдика. Уговаривать себя Алексей не стал заставлять.

Эдик споро подхватил бутылочку – это «Флагман» оказался – свинтил ей горло и набулькал по кружкам. В других кружках плескалась простая вода, для запивки, должно быть. Выпили «за смерть врагов», причем Алексей выбрал кружку сам и залил водку в рот только после того, как выпили соседи – береженого, как уже говорилось, бог бережет, да и свеж в памяти еще был финал последнего употребления – там, на презентации автомобиля «Bugatti», будь она проклята. Водка действительно оказалась водкой. Остальные Алексеев маневр, естественно, заметили, но промолчали. Лишь Квадрат опять открыл было рот, но, вот странно, ничего не сказал.

Огненная вода стремительно ухнула в пустой желудок и растеклась по жилам и прочим артериям, наполнив тело жаром и мурашками. Вот что ему требовалось. Почувствовав, как кровь прилила к щекам, Карташ понял вдруг: наконец-то *отпустило*. Расслабилось и смягчилось, словно мужское достоинство после апогея. Совсем как в компьютерной игрушке, он добрался до конца первого уровня, и теперь остается ждать, пока комп подзагрузит следующий уровень. Черт его знает, что будет там, на уровне втором, но, пока ничего не происходит, можно перевести дух.

Выпили по второй, закусили. И под водочку и хавку начался ненавязчивый разговор.

– С табуреткой это ты ловко придумал, – сказал Эдик, жуя. – Как догадался, что тебя должен валить я, а не этот? – небрежный кивок в сторону Квадрата.

– По кентосам⁸, – пожал плечами Алексей, хотя заметил их только сейчас.

Ничего, пуцай думают, что такой он весь наблюдательный и догадливый...

– А вот кстати, – спросил Алексей, – что, табуретки в камере разве полагаются?

Ответом был по-детски невинный взгляд трех пар глаз.

Эдик задумчиво посмотрел на костяшки пальцев и хмыкнул.

– Соображаешь. Хотя говорок у тебя не питерский. Москвич, что ли?

– Оттедова, – кивнул Карташ.

Удивительно, но желудок, отчего-то наплевав на голод, даже простенький бутерброд отказывался принимать, еда сухим комом вставала поперек горла и проталкивать ее дальше приходилось с усилием. Есть хотелось, но не могло. Нервы...

– По зонам, значит, вертухаил, – вклинился Квадрат – еще малость набычившись, но, в общем-то, уже миролюбиво.

– Только в одной. В Сибири. А до того в КИНе⁹ служил, проверял, как люди сидят...

– И как? – это уже Дюйм спросил.

– По-разному, – опять пожал плечами Карташ.

Он глянул на полочку для шлёмок, кружек и прочих нехитрых кухонных принадлежностей, под которой притулился небольшой, в половину человеческого роста портативный холодильник «Сименс» и бросил пробный камень:

---

⁸ Кентос – мозоль на надкостнице пальцев рук у людей, занимающихся рукопашным боем.

⁹ КИН – (комиссия) по контролю за исполнением наказаний.

– Но такие вот дары прогресса обычно наблюдаются только у сидельцев уважаемых и заслуженных – авторитетных, одним словом...

– Да? – удивленно протянул Дюйм, однако на намек не обиделся. – Ну, не знаю. У меня, видишь ли, застарелая болезнь желудка, почти смертельная, необходимо каждодневное сбалансированное диетическое питание, не то могу и концы отдать. Так что я накатал заяву лепилам, вот они мне холодильник и подогнали: на хрена им потом разбирательство, от чего да почему я коней двинул во вверенном им заведении...

Он маханул еще водочки и зажевал кусочком твердокопченой колбаски. «Издевается», – понял Карташ.

– Люди, – сказал он напрямик, – я хоть и знаю, как живут у *хозяина*, но ходка эта у меня первая. И, признаться, я ничего не понимаю. Тут в «Крестах» все так шикают, или только «бэсники»?

– А друзья-приятели-родственники у тебя в Питере есть? – поинтересовался Квадрат.

– Ни души, – кратко ответил Алексей, помрачнев. После *инцидента* в «Арарате» это стало чистой правдой.

Эх, Машка, Машка...

Сокамерники переглянулись мельком, и что-то в их взгляде Карташу не понравилось.

– Сиротинушка, значит, – констатировал Квадрат.

– Да ладно, – сказал Карташ, отгоняя воспоминания. – В Москве папашка, вроде, жив. Только мы с ним не очень-то в контакте...

Про звание папашки он решил пока не распространяться: неизвестно, хорошо это для него или плохо, что он сын генерала.

– Фигня, – уверенно заявил Эдик. – Какой-никакой, а он тебе все ж таки отец... Ты вот что, ты ему весточку зашли, что, значит, в передрыгу такую попал. Не то тяжело тебе придется, брат, без подкорма-то...

– А как москвич в передрыгу *здесь* попал, не хочешь рассказать? – аккуратно так спросил Дюйм и самолично набулькал Карташу. Что, опять же, было странно: старший – а за столом прислуживает...

Алексей вспомнил «адидаса» и посмотрел Дюйму в глаза:

– Тебе правду или версию следователя?

– А это уж тебе решать, – быстро сказал Дюйм. – Можешь вообще ничего не говорить. Никто не заставляет, твои дела – это твои дела.

Карташ поразмыслил немного, крутя водку в кружке, потом резко поставил выпивку на стол. А, черт, почему бы и нет?

И рассказал все, как было на самом деле – начиная с их приезда в Питер. Что, признаться, мало чем отличалось от уже известного следствию.

Глава 6

Последнее танго в Питере

Приглашения на презентацию доставили в «Арарат» почтой. Конверт им вручил портъе, когда Алексей и Маша спустились вниз на завтрак. «Ну прям не жисть, а натуральный блокбастер про ихние нравы, – подумал Карташ, вертя в пальцах длинный конверт без обратного адреса и с портретом Ломоносова в углу. – Портъе, отель-бои, “для вас письмо, мистер”, чаевые»...

Между прочим, давать на чай естественно и небрежно тоже нужно уметь. А для этого трэба иметь соответствующий навык. Но Карташ не переживал, что чаевые он вручает не слишком изысканным манером. В конце концов, он себя и не выдает за потомственного аристократа.

Приглашения в конвертах не стали для Карташа сюрпризом. «Получите билеты на одно мероприятие, каковое и посетите в указанный день со всем прилежанием, – так напутствовал Кацуба. – Что за мероприятие – не приставай с вопросами, старлей, сам пока не знаю. Ну, на дурное дело не пошлют».

На дурное действительно не послали.

– Ух ты! – даже не смогла сдержать восхищенного возгласа Маша, когда Алексей передал ей два картонных прямоугольника, украшенных золотым тиснением и завитушными надписями. – А к губернаторше нас не позовут?

– А почему бы там, – Карташ постучал пальцем по приглашениям, – не быть и губернаторше...

Вечером этого же дня господин Карташ Алексей Аркадьевич, шантарский коммерсант и журналист (так было написано в приглашении на презентацию), сидел на заднем сиденье вызванного к гостинице такси марки «мерседес». На вызове «VIP-такси» настояла Маша – дескать, раз уж назвали нас коммерсантами, тогда полезем в подобающий кузов. Карташ не стал спорить. Все равно бабло чужое...

И вот не самой последней модели, но все же «мерседес» лавировал среди плотного потока, перескакивая из ряда в ряд, втискиваясь, обходя, подрезая. Однако при всем мастерстве, что показывал нанятый ими Шумахер, стояния в пробках избежать не удалось. Что ж, ко всему следует подходить философски и спокойно, поскольку «тарapiца нэ надо», как говаривал товарищ Саахов.

Маша сидела рядом в темно-коричневом брючном костюме и блузке черного цвета с серебряными прожилками. Было бы нелепо думать, будто Алексей немедля после получения приглашений не услышал от подруги аксиому касательно того, что «надеть ей абсолютно нечего», так что послеобеденное время пришлось сопровождать Машу в походе по магазинам. Не отпустишь же девушку одну в большом незнакомом городе? Но к маленьким (хотя, к слову сказать, недешевым) женским прихотям Карташ отнесся опять же по-философски: в конце концов, не каждый день выпадает за государственный кошт прокатиться в северную столицу, да еще и быть приглашенным на вечернику для избранных – как тут пройдешь мимо салонов, шопов и прочих бутиков... Что-то в последнее время он ко многому стал подходить исключительно философски. К добру ли это?

Вскоре такси добралось до места. Через Таврический мост, по Каменноостровскому проспекту, тачка попала на Крестовский остров, на остров счастья, где квадратный метр жилья стоит в три раза больше, чем в других районах города, попетляла по зеленым аллеям, подъехала к железным воротам в глухом высоченном заборе.

За воротами обнаружился особняк – по всем признакам недавно отреставрированная усадьба, наверняка бывшая собственность некоего дореволюционного вельможи. Вокруг особняка – парк, идеально ровные асфальтовые дорожки, фонари, стилизованные под старинные, газовые. Охранник взглянул на приглашения, махнул рукой: проезжай, мол. Можно было, конечно, отпустить такси у ворот и в удовольствие прогуляться по дорожкам, но исключительно ради понтов они все же проехали до крыльца. (Хотя понты, разумеется, получились вполне рядовые, поскольку на ярко освещенной стоянке возле особняка «мерсюков» было, что на городских улицах – «жигулей»). А окромя них Карташ разглядел «феррари», «ягуары», «бентли», даже одну «ламборджини». В общем, сразу видать: не токари съехались на слет.)

На широком и длинном крыльце, прямо перед стеклянными дверями входа, на невысоком вращающемся пьедестале, окаймленном мигающими гирляндами, стоял герой сегодняшнего вечера – или, точнее, героиня, поскольку форм авто было насквозь женских. Яркого серебристо-голубого цвета, двухдверная, с плавным, каким-то акульным абрисом, с клиренсом настолько крохотным, что любая колдобинка на расейской дороге неминуемо привела бы сие чудо автомобилестроения к потере, как минимум, глушака, – она медленно поворачивалась на пьедестале, выставляя напоказ все свои изгибы и прелести, как стриптизерша на шесте. Звалось это диво «Bugatti» (так, по крайней мере, говорилось в приглашении) с каким-то четырехзначным численно-буквенным номером, который, Карташ, разумеется, тут же благополучно забыл. Нынешнее мероприятие проходило под знаком презентации этой модели, и в приглашении был обещан тест-драйв всем желающим. «Тест-драйв должен удалиться», – мельком подумал Карташ, глядя через огромные окна на богатые фуршетные столы, глядя, как по фойе с тарелками и бокалами бродят *званные*.

На прибытие новых людей никто никак не отреагировал. То есть, глянули, конечно, одним глазком – знакомые или незнакомые, убедились, что явились напрочь незнакомые, и отвернулись. Похоже, присутствующие уже успели пропустить не по одной рюмахе, и Карташ не видел никакого смысла не следовать их примеру.

Кстати, Алексей полагал, что на мероприятии все будет отсвечивать костюмами от арманей и прочих версачей. Отнюдь! И он никоим образом не смотрелся сиром в своем обыкновенном, хоть и недешевом костюме. Хватало людей одетых совсем уж просто. Ну а уж журналисты, которых легко можно было угадать по голодному взгляду и желанию поскорее и как можно больше впихнуть, а главное – влить в себя (гложет их изнутри, вишь ты, извечная журналистская боязнь: «ну а как вдруг выгонят!»), – так вот эта публика, по своему обыкновению, была обряжена в помятое и несвежее. А в гражданах, одетых в нарочитые косоворотки и с икринками в бородах, легко было опознать политических деятелей, специализирующихся на квасном патриотизме...

Зато *мероприятие* прямо-таки ласкало взор обнаженными женскими плечами и спинами, а также загорелыми шейками и пальчиками, усыпанными брюлами и рыжевьем. «Эх, чому ж я не тать, чому ж не вору! – вздохнул про себя Карташ. – Знатный хабар можно было взять...» И еще одно наблюдение просилось на ум: своей одежонке мужик может не придавать никакого значения, но кто ж этому мужику даст сэкономить на женской боевой экипировке...

Карташ и Маша без труда влились в процесс. Если была изначально какая-то неловкость, то она быстро улетучилась в непринужденной обстановке. И вот уже огненная текила разливается по жилам, вот уже Карташа втянули в разговор о политике, перемежающийся анекдотами про блондинок, а Маша примкнула к веселой девичьей стайке и влилась в обсуждение каких-то увлекательных вещей, то и дело прерывающееся хихиканьем. По огромному проекционному телевизору гоняли ролики, в лучшем виде представляющие автомобиль,

которому предстояло в ближайшее время стать любимым средством передвижения российских толстосумов.

Очень скоро узлы галстуков были распущены, физиономии покраснелись, незнакомые люди по-простецки хлопали друг друга по плечам и обменивались визитками. Видимо, организаторы мероприятия поняли, что дальше тянуть с тест-драйвом опасно, иначе тест рискует превратиться в аттракцион: «Кто быстрее и оригинальнее разобьет новую модель». Настежь распахнулись входные двери фойе, всех стали звать на крыльцо.

– Рекомендую, – сказал остановившийся рядом с Карташем на крыльце полный мужчина лет пятидесяти и протянул тарелку с какими-то зелено-красными яствами в таралетках. – Отменно приготовлено. Совершенно то же я едал в морском ресторанчике в Ницце, так там делают намного хуже. Только это дело надо обязательно запивать... Эй, милейший! – он подозвал официанта, каковых во множестве стояло поблизости и начеку. – Выпивку какой страны, как спросил классик, предпочитаете в это время суток?

Карташ, уже совершенно расслабившийся, в этот момент внезапно вспомнил, что он здесь, в общем-то, не на отдыхе... «А для чего я здесь?» – тут же спросил он сам себя. И сам себе ответил: «А хрен его знает!» Никаких специальных указаний на этот счет Алексей не имел. Но все же не стоит уж совершенно растелешиваться.

– Я пока пережду с выпиванием, – сказал Карташ. – Сразу взял с места в карьер. А надо делать паузы в ходах. Ведь еще за рулем этого монстра хочу посидеть...

У монстра в данный момент были распахнуты все дверцы, и представитель фирмы крутился вокруг изделия юлой, вскальзывал внутрь, выскальзывал наружу, что-то без конца включал и демонстрировал, цветисто расписывал достоинства этого чуда автомобильной мысли.

– Да бога ради! – громогласно воскликнул новый знакомый Карташа. – Насчет паузы – дело абсолютно хозяйское, а насчет руля можете не беспокоиться совершенно. Сегодня не порулите, так милости прошу в ближайшее время ко мне в салон. – Толстяк извлек из жилеточного кармана визитку, что стоило ему труда из-за внушительного, натягивающего жилетку живота, и протянул картонный прямоугольник Карташу. – Мне и предстоит продавать этого монстра за чудовищные бабки всем нуждающимся. А ты, – он вспомнил об официанте, – принеси-ка нам пару виски, и про лед не забудь. – Вновь повернулся к Карташу. – Просто подержите в руках и чокнитесь для порядка. Как ваше имя, можно узнать?

Карташ назвался.

– Вы ведь к нам из глубинных провинций пожаловали?

– А что, так заметно... – Карташ заглянул в визитку, – Виталий Сергеевич?

– Скорее не по вам, – помотал головой толстяк, – а по вашей спутнице...

Видимо, прочитав что-то такое в глазах Карташа, он поспешил объяснить:

– Бога ради, не подумайте, что я намекаю на какие-то оплошности в этикете. Какой там этикет в наше время... Просто посмотрите на наших питерских барышень и на вашу спутницу. Чувствуете разницу? Наши или бледные, или с ламповым загаром, на худой конец – с недавним заграничным... А у вашей загар натуральный и притом явно отечественного происхождения. Да и румянец не косметический.

Карташ не стал разуберять Виталия Сергеевича относительно отечественности Машинного загара – потому как Туркмению можно причислять к отечеству разве только в том случае, ежели верить, что по-прежнему обитаешь в Советском Союзе.

– Да я и не выдаю себя за столичную штучку, – сказал Карташ. – Шантарские мы. Бывали?

– Не довелось, – толстяк помотал головой и взял с подноса бокал с виски. – Что ж, давайте выпьем за процветание вашего Шантарска!

Толстяк тяпнул ячменного напитка столь залихватски, что и Каргашу тут же захотелось. А там следом Алексей отведал и блюдо, что так настоятельно рекомендовал его новый знакомый. На вкус сия штучка оказалась вполне приемлемой, желудку понравилось. Сжевав одну, Каргаш потянулся и за второй.

– Ага, говорил я вам, что стоящая вещь! – обрадовался толстяк по имени Виталий Сергеевич, будто он-то повар и есть. – Ну, давайте еще глотнем, теперь уж за Питер...

Потом закурили. Посмотрели на то, как начинаются испытания автомобиля. Первым в салон забрался мужчина лет тридцати с небольшим, но уже совершенно седой, сел за руль, а пассажирские места заняли три хохочущих блондинки. По тому, как первый испытатель взял с места и съехал с покатога бока подиума, чувствовался немалый лихаческий опыт. «Ох и достанется сегодня машине, – машинально отметил Каргаш. – Впрочем, организаторы акции, думается, знали, на что идут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.